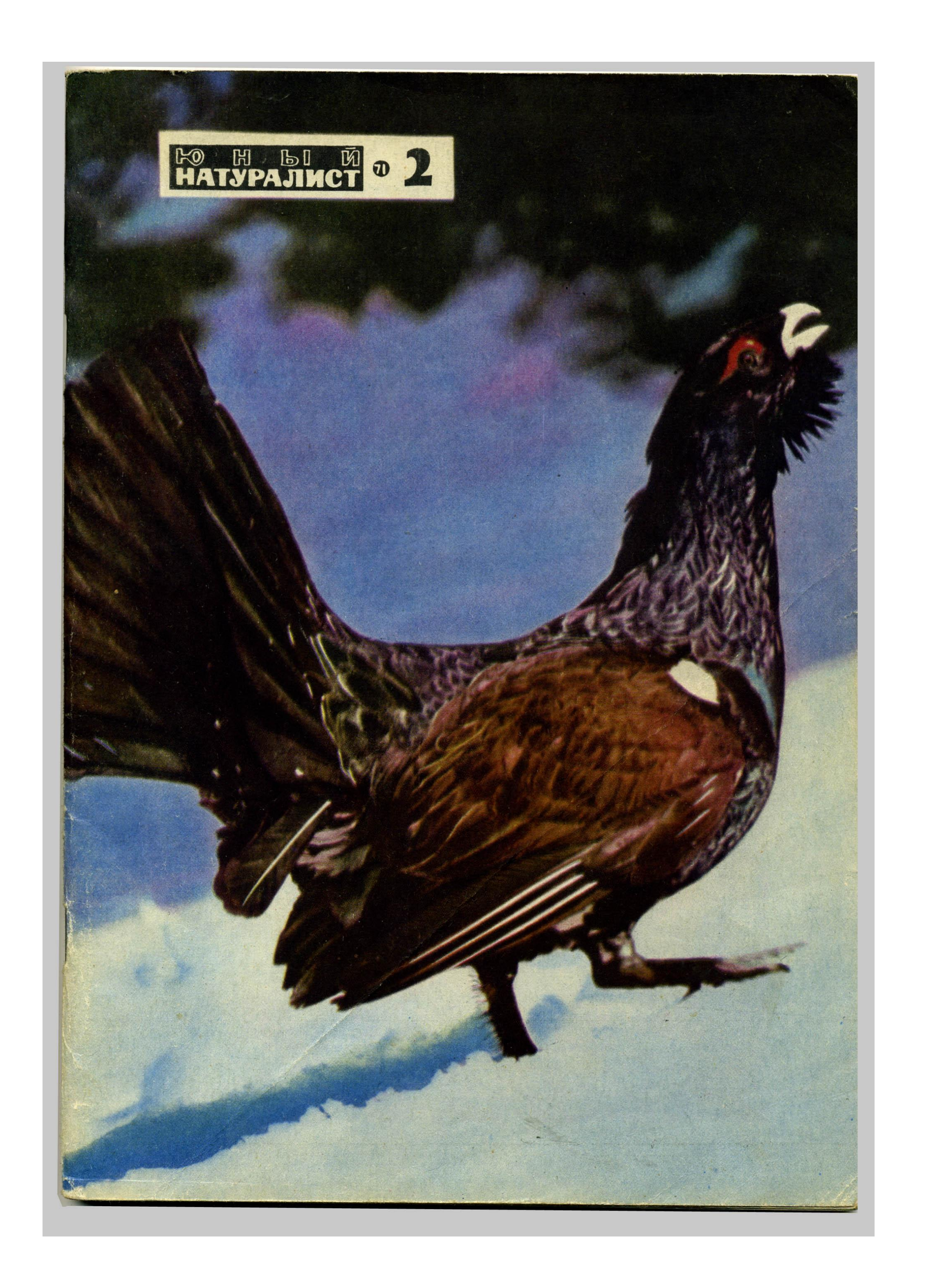

ЮНЫЙ НАТУРАЛИСТ
71
2

Рис. И. Кошкарева

Все тверже и тверже шаги весны. С каждым днем зажигает она новые огоньки тюльпанов и маков в предгорьях Средней Азии, рассыпает по заснеженным карпатским кручам нежные подснежники, открывает голубому небу зеленый бархат озими на полях степного Крыма, Ставрополья и Кубани. И вот уже поют радостную веснянку шальные южные ручьи, нетерпеливо поглядывают на теплое солнце птичьи стаи на плесах далеких рек и озер: не пора ли собираться в дорогу, домой, на родину!

Все тверже и тверже шаги весны. Все звонче ее приветливые песни. Все шире ее красочный разлив.

Но даже там, где трещат по утрам жестокие морозы, где метели и вьюги хороводят без устали, явственно слышна радостная весенняя мелодия — в гуле шумящих домен, в перезвоне строительных кранов, в стремительной круговерти бурлящей воды сибирских гидростанций. Весенний трудовой марш идет по стране, полный энтузиазма и вдохновения марш советского народа.

ЮНЫЙ НАТУРАЛИСТ '71 2

Научно-популярный журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина
Журнал основан в 1928 году

Ударная вахта труда в честь XXIV съезда КПСС! Все тверже и тверже ее рабочая поступь, все шире размах всенародного соревнования за достойную встречу высокого партийного форума! Это стало доброй традицией — самые лучшие помыслы, самые сокровенные мечты, самые большие успехи посвящать партийному съезду. Потому что съезды — это значительные вехи на нашем пути вперед.

И разливаются задорной весенней песней из края в край родной страны, плывут над городами и поселками, заводами и рудниками, заснеженными полями и пашнями величественные звуки трудового рапорта шахтеров и строителей, земледельцев и металлургов, нефтяников и ученых. Есть в этих волнующих мелодиях и серебристая песнь пионерских горнов. Она рассказывает о верности красногалстучных отрядов боевым и трудовым традициям отцов и старших братьев, о любви к родной Коммунистической партии, о славных делах, с которыми идут они к знаменательному событию в жизни страны — к XXIV съезду КПСС. И как не порадоваться сегодня за юную смену, за пытливых и любознательных ребят, у которых умные руки и добрые сердца, за юннатов. Слушайте их предсъездовские рапорты!

ГОВОРЯТ ЮНЫЕ ДРУЗЬЯ ПРИРОДЫ ЛИТВЫ

Мы живем рядом с Лабанорским заповедником. Место это красивое. Живописные озера и большие Лабанорские леса. В заболоченных местах сохранились редкие болотные растения. И живых обитателей здесь много. Водятся дикие кабаны, лоси, косули. Много в заповеднике и пернатых жителей: глухарей, куропаток, уток. Летом им живется привольно. А вот зимой приходится трудновато, не всем хватает корма. Поэтому ребята нашей школы и решили помочь обитателям заповедника. Сначала мы знакомились с ними, терпеливо изучали повадки животных. Порой часами просиживали в засадах, чтобы узнать, какой корм они больше любят, в какое время кормятся. Наши наблюдения помогли нам определить, где лучше развесить и установить кормушки. Для косуль, лосей и зайцев мы устроили 120 столовых. Мы их делали в форме елочек и навесов.

Теперь каждый находит себе корм по вкусу. Для лосей кладем ветки, косули лучше едят сено, зайцы лакомятся капустой и морковкой, даже иногда им перепадает зеленая трава, выращенная нашими юннатами. А для кабанов вкуснее всего картошка, которую мы закапываем в снег. Они быстро ее находят. Не съедят всю, остатки закопают еще глубже, чтоб не замерзла.

И птиц мы не забываем. Особенно нам полюбились аисты. Эту птицу считают у нас символом счастья. Но аистов пока еще мало в наших краях. Поэтому мы их охраняем и стараемся привлекать. Помогаем им устраивать гнездовья. Уже сделали семь гнезд, и аисты в них поселились.

СЛОВО ПИОНЕРАМ КРЫМА

Красива наша Керчь. В зеленом наряде ее улиц и площадей много деревьев и кустарников, посаженных руками юных. Это и понятно, недаром отряды зеленых патрулей города насчитывают две тысячи школьников. Мы не только охраняем зеленые насаждения и ухаживаем за ними. Мы украшаем город, одеваем его в тенистую зелень скверов, парков, бульваров.

В прошлом году мы посадили больше тысячи деревьев и несколько тысяч кустарников. Долго зеленеть нашим посадкам, потому что у них добрые настоящие друзья. Этой весной на улицах города, особенно в районах новостроек, встанет еще тысяча молодых деревьев.

РАССКАЗЫВАЮТ ЮНЫЕ ВИНОГРАДАРИ СТАВРОПОЛЬЯ

Кому не известен наш прикумский виноград? Слава его давно перешагнула пределы Ставропольского края. В нашем совхозе «Прасковейский» школьники всегда помогают взрослым во время уборочной страды. Приятно срезать крупные янтарные гроздья, налитые щедрым южным солнцем.

В нашей школе создана ученическая производственная бригада. Ее владения — 67 гектаров виноградных плантаций и 34 гектара бахчи. Год за годом получаем мы высокие урожаи. Не подкачали и в прошлом году. По 8,5 тонны солнечных гроздьев собрали с каждого гектара.

Ребята знают, что это не предел. Оттого и зимой часто можно увидеть их на виноградниках. Плантациям обеспечен повседневный уход. А это значит, осенью снова будет щедрый урожай.

РАПОРТУЮТ ЮНЫЕ ЦВЕТОВОДЫ ТУРКМЕНИИ

Розы. Красным пламенем горят они перед нашей 14-й школой. Нигде в Ашхабаде нет таких величественных цветов. А высадила их Майсура Мурадова. Ребята называют ее царицей роз. И по праву. Вот уже несколько лет выращивает Майсура особый сорт цветов, который так и называется Царица роз.

Сейчас на наших клумбах две тысячи кустов, что посадила Майсура. Распускаются они ранней весной и не вянут до самых заморозков.

Осенью прошлого года Майсура Мурадова получила от тысячи черенков 750 кустов необыкновенных засухоустойчивых цветов. Еще больше роз распустится перед школой этой весной.

СООБЩАЮТ ГОЛУБЫЕ ПАТРУЛИ АСТРАХАНИ

Вот уже третий сезон спасаем мы мальков ценных пород рыб: сазана, судака, леща, воблы.

Беда к ним подбирается после паводков, когда уходит из широких займищных разливов большая вода. Мальки остаются в баклугах и водоемах. С наступлением жары вода в них пересыхает, и, если вовремя не прийти на помощь, рыба погибнет.

В бригаде нашей Замьяновской средней школы сорок человек. Мы прокапываем каналы от меньшего водоема к большему и, наконец, к главной воде. Таких озерцов у нас восемь. Как только уровень воды в них понижается, каналы приходится углублять. И так до тех пор, пока воды останется совсем мало. Тогда уж идут в дело бредни, ведра и бочки.

В прошлом сезоне наша бригада вернула большой Волге два миллиона мальков промысловых рыб.

ВЕЛИКОЕ ОЗЕРО

Байкальские острова

Свое путешествие по Байкалу обычно начинают на стареньком судне «Комсомолец». Это единственное судно на озере, которое решается выходить в рейс в штормовую погоду. За пять суток «Комсомолец» обходит весь Байкал, несколько раз пересекая его поперек.

Время от времени, проходя мимо безлюдных островов, с интересом рассматриваешь эти выступающие из воды большие зеленые холмы. И кажутся они с палубы корабля таинственными и загадочными, манящими и недоступными.

Островов на Байкале двадцать семь. Почти все имеют отвесные обрывы, крепкие каменные карнизы с птичьими базарами, где без устали кричат птицы. На открытых вершинах гуляют ветры, а в низинах у ручьев да по лощинам хоронятся костяника и спелая земляника, вкрапленные в зелень травы.

На Ольхоне и на Ушканьих островах совсем нет медведей, и благодаря этому, как объясняют местные жители, здесь много муравьев.

Муравейники на островах не такие, как на материке, — высотой они почти в человеческий рост, а диаметр основания метра два-три. Размещены они неравномерно — меньше на высоких крутых склонах, больше в низинах и пологих спусках. Большинство сооружений окружено забором высоченного разнотравья. Сложены муравейники из веточек, кусочков коры, еловых иголок и древесной смолы. Иногда из муравьиной кучи торчат концы веток кустарника, который использован строителями как каркас.

Как-то раз баргузин загнал нас в бухту Пещерка, и мы просидели в ней почти сутки. Бухта расположена с восточной стороны острова. В ней обычно прячутся суда, когда начинается шторм.

Свое название она получила от пещеры, выбитой волнами в самом основании кремового утеса. Собственно, это даже не пещера, а сквозное оконце в каменной стене, напоминающее издали слона, опустившего в воду хобот.

А потом наступил погожий день. Мы покинули бухту и по гребню взобрались на самую вершину острова. Светило солнце, и видимость была на сто километров. По обрывистому краю гребня, постепенно поднимающегося к востоку, шла тропинка, то заметная и утоптанная, то теряющаяся среди густого леса.

Отыскали мы на острове затон Гусиный. Имя такое лет пять назад дал Захар — егерь из поселка Хужир.

Был тогда конец августа. На рыжем осеннем лугу валялось множество стрекозиных крылышек. Прозрачные, точно слюда, хрупкие и тонкие, дунь — взовьются, как пушинки при сильном ветре, и полетят медленно-медленно, оседая затем в тихих затонах.

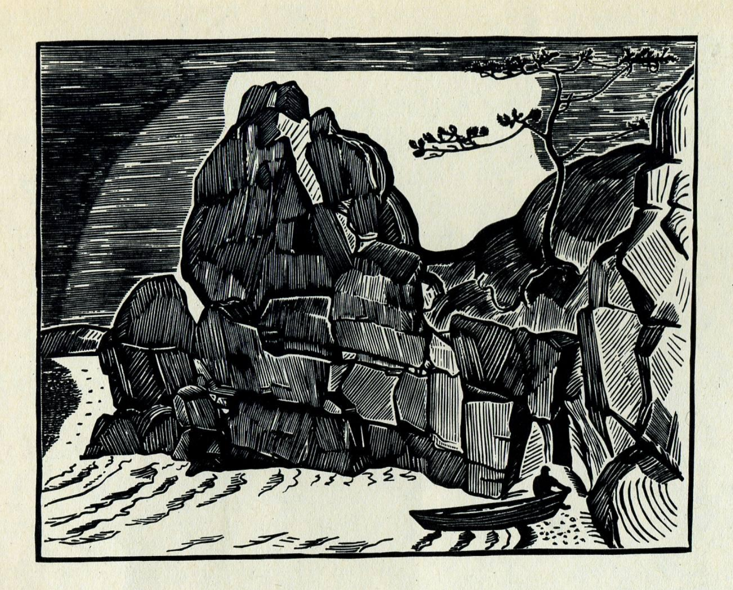
В озере стыла вода. Солнце, уже побледневшее, торопливо катилось к лиловому лесу, неясной полоской черкнувшему по горизонту. Может, с мыса Крестового, а может, и с Чивыркуйского залива шел ветер. Шел по самой земле жесткий, прохладный, путаясь в камыше, в березовых космах, недовольно швыряя высохшие листья.

На мелководье, где кормилась стая лебедей, стал оседать гусь-одинец. Одинцами местные охотники и рыбаки зовут отбившихся от своих сородичей птиц.

Захар приметил его сразу. Вначале хотел было пристрелить гуся на жаркое, потом передумал: то ли жалко стало, то ли еще чего. После даже прикармливать стал птицу.

Одинец вначале жадно набрасывался на Захаров прикорм.

— Видать, от лебедей не очень много еды остается. Все под дугу шипуны съедают в затоне.

Однако дней через десять заприметил егерь, что гусь его не все съедает, часть оставляет как бы про запас. Удивило это Захара. Решил проследить за птицей.

Как только добрался до затона, еще издали увидел рядом со своим питомцем лебедиху. Та время от времени, изогнув шею, клевала хлебную корку. А гусь неторопливо плавал вокруг нее.

«Ну и ну! — подумал Захар. — Никак любовь себе завел гусак. Ишь придумал чего, моим хлебом лебедиху прикармливать. Рассказать кому — не поверят, скажут, болтает егерь. Ну, да все равно недолго этой любви гусиной быть. Не потерпят лебеди чужака в своей стае».

И долго ждать не пришлось. Раз прямо на глазах у егеря лебеди накинулись на гуся. Не вмешайся человек, забили бы птицу насмерть.

Отогнал Захар лебедей. Но одинец опять за свое — снова начал таскать лебедихе корм, и снова его избила стая. Так продолжалось несколько раз.

Егерь уже махнул рукой на своего питомца.

— Может, и правда пристрелить его, все одно каюк, шипуны насмерть заклюют.

В сентябре погода испортилась. Надвинулись тучи, и несколько дней лил дождь. А когда он перестал и на недельку установилось бабье лето, тогда и увидел Захар, как медленно и величаво поднимались с затона лебеди, как нестройно тянулись вслед за вожаком в сторону Баргузинского хребта.

Лишь только снялись с затона лебеди, исчез куда-то и одинец.

«Видать, тоже на юг подался», — решил про себя Захар. Ошибся егерь. Дня через два одинца нашел мертвым Карл — пес Захара. На птице не было ни следов лебединых побоев, ни пулевой раны.

Никто не знает, отчего он умер, но только Захар доказывает, будто не выдержало гусиное сердце, разорвалось от большой тоски.

Вот почему затон Гусиным называется с тех пор.

Помогли деревья

Инженеры утверждают, что на побережье озера нельзя строить порты, железнодорожные станции, города, пока не будет точно известно колебание уровня воды за последние триста лет.

Такие сведения потребовались и строителям на побережье озера Байкал. Но как получить эти сведения?

Выход был найден неожиданно. Строителям помогли кедры, лиственницы и сосны.

Дело в том, что еще давно было замечено: лес вокруг Байкала растет, почти подступая к самой воде. Ученые спилили одну сосну и определили ее возраст — 530 лет. Значит, появилась она на свет в 1441 году. Но на девятнадцатом году жизни, то есть в 1460 году, байкальская волна повредила кору молодой сосенки, так как вода в озере поднялась выше своего обычного уровня. Через несколько лет рана, полученная от волны, заплыла смолой, однако метка сохранилась и по наши дни.

Не одно дерево спилили для анализа, и все они подтвердили, что уровень воды в озере из года в год колеблется. Но ни разу за последние пятьсот лет не поднимался он более чем на четыре метра.

Дагарские таймени

Устилает лес охрою землю. Ранком бродят гривастые туманы, а в озере полощется синь-синева. В жидкой осоке слышится крик дергача.

Настыв за долгую ночь, рябые сопки словно поеживаются перед рассветом.

Ракитовые белые поплавки еле видны в предрассветье. Но когда мы подъехали на лодке, они запрыгали, заплясали, а привязанные к береговой осине бечевки загудели басами.

Никогда еще не вытаскивал я таких больших тайменей. Каждый длиной почти метр. Тело вытянутое у них. Зубы на головке сошника и небольших костях расположены в виде сплошной подковы. Рыбаки рассказывают, что встречаются в Дагарской губе таймени до двух с половиной метров. Хватают они на Байкале уток, гусей, поедают омуля, иногда нападают и на тюленей.

Метровые рыбины плюхаются на дно баркаса, бьются в бессильной злобе, раскрывая свою страшную пасть.

— Это что, — презрительно сказал Андреич, тамошний егерь, — вот раньше в здешних местах таймень был, так то таймень, а теперь? Так, одна мелюзга.

Загадка выдры

— Удивительное дело, — рассказывал нам Андреич, — наша байкальская выдра в зимовку ест только рыбу, и что хочешь делай с ней, ничего другого в рот не возьмет. Я-то на Байкале пятьдесят годков живу, успел присмотреться к этому зверьку.

— Ну и что же тут удивительного?

— А вот что: в августе, как только поспеют костяника и ежевика, выдра выходит на берег и ест их. Зачем они ей, ума не приложу.

Загадка Андреича раскрылась для меня лишь в Москве, когда я рассказал об этом одному знакомому биологу.

Удивительного тут ничего не было. Выдра ест рыбу целиком, глотая и кости и чешую. Зимой в ее организме вырабатывается достаточное количество соляной кислоты, которая растворяет кости, а летом кислоты образуется меньше, и выдру начинают мучить скопившиеся в желудке рыбья чешуя и кости. Вот тогда-то и идут в употребление ягоды, дающие организму хлор, необходимый для выработки соляной кислоты.

Вот и вся загадка.

Волшебная лещина

На старинных гравюрах, на рисунках, какие можно встретить на скалах Забайкалья, в сибирских легендах и песнях, сказках и былинах я часто встречал тему волшебной палочки.

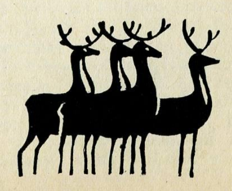
Палочка эта вырезана из ветки орешника. Потом тщательно натерта тайным средством. На конце палочки обязательно должна быть рогатинка.

И вот, держа рогатину обеими руками за развилки, человек бродил по тайге, выставив вперед острый конец палочки. Искали так раньше в Сибири золото и другие металлические руды. Искали таким способом русские и монголы, буряты и татары. Над залежами руды палочка должна шевельнуться и указать, где скрывается клад.

Не встретишь больше в тайге искателей с такой «чудо-техникой». Волшебная палочка осталась лишь в легендах да на старинных рисунках. А в тайгу пришла новая техника. Специальные приборы, установленные на самолетах, позволяют вести поиск полезных ископаемых, которые находятся под землей на глубине более ста метров.

Этого не могла сделать даже волшебная лещина.

В. БУРЛАК

Облако-брандспойт

Лишь изредка удается загасить большой лесной пожар. Чаще же огонь, охвативший большие территории, живет в лесу до наступления сильных и долгих дождей. Не удивительно, что 80 процентов выгоревших лесов приходится именно на пожары-гиганты.

Дождь — пока что единственная управа на них. Но ведь он не идет по нашему заказу. Если ждать, пока ливни прольются сами, лес сгорит. И ученые решили научиться вызывать дождь. На этом и основан новый метод тушения больших лесных пожаров, разработанный Ленинградским научно-исследовательским институтом лесного хозяйства.

В сухое лето образуется много кучевых облаков. Потоки воздуха нагреваются у теплой поверхности земли и затем поднимаются вертикально вверх и там охлаждаются. Наличие капель в облаке еще недостаточно для того, чтобы пошел дождь. В его верхней переохлажденной части должны появиться ледяные кристаллы. Они растут, «перекачивая» влагу с поверхности капель, а затем падают вниз. В слоях теплого воздуха лед тает и достигает земли уже в виде дождя.

Часто обстановка благоприятствует дождю, но в облаках нет кристаллов. Тогда достаточно ввести в переохлажденную зону льдообразующее вещество — и на горящий лес хлынет вода. Во время опытов над лесами Волховского района Ленинградской области, Красноярского и Хабаровского краев дождь вызывали с помощью частиц сухого льда, йодистого серебра, сернистой меди, сульфата аммония, твердой двуокиси азота и других веществ. Самолеты ИЛ-14, ЛИ-2 или АН-2 поднимались в воздух, и на нужной высоте с борта раздавался выстрел. Химический десант выбрасывался из ракетного пиропатрона. Иногда самолет заходил прямо в верхнюю зону облака, и порошок распылялся из специальной вытяжной трубы.

Миллиграмм химического реагента вызывал образование миллиардов ледяных частиц. А одного пиропатрона было достаточно, чтобы через 10 минут после выстрела облако объемом в 10 кубических километров разразилось ливнем.

Но не все облака поддавались на «провокацию». Бывало, что из некоторых даже капли не падало, другие отдавали очень мало влаги, третьи отвечали умеренным дождем. Ученые выяснили, что важна температура переохлажденной зоны. Когда она ниже нуля на семь градусов, дожди образуются всегда. И самое интересное, как выяснили ученые, облако отдает больше влаги, чем оно первоначально содержало. Оказывается, при дожде облако становится своеобразным генератором: обращает в воду пар из окружающего воздуха.

Важно, конечно, не промахнуться. Поэтому лучше обрабатывать не одно облако, а сразу несколько, окружая огненный участок подковой. В 1969 году в районе Братска и над Якутской АССР этот способ хорошо оправдал себя. Погасили гигантские костры в Алданском, Ленском, Олекминском, Мирненском и Витимском лесных хозяйствах. Особенно обильные дожди прошли там, где их заставляли идти по нескольку раз.

Небесный брандспойт можно включать еще до того, как начнется пожар — для профилактики опасных мест.

Возможно, в будущем ливни по заказу можно будет вызывать с помощью ракет. Ведь они с успехом применяются для рассеивания облаков с градом.

Изгородь из... звука

Ученые давно заметили, что рыбы боятся пузырьков воздуха. В этом убеждали опыты: трубу с множеством дырочек укладывали на морское дно и пускали по ней воздух. Он с силой вырывался из отверстий и создавал в морской воде воздушную завесу. Косяки рыбы подходили к ней на расстояние один-два метра и останавливались. Чаще всего рыбы поворачивали назад и обходили воздушную стенку стороной.

Но вот странно: чем больше воздуха выходило из отверстий трубопровода, тем меньше пугались рыбы. Когда вода под действием воздушных пузырьков начинала буквально кипеть, рыбы не обращали на это никакого внимания — они спокойно проплывали сквозь воздушный заслон. Такое же бесстрашие демонстрировали рыбы в аквариуме: как бы ни бурлила вода — сильно или слабо, — рыбы бесстрашно сновали по нему. Особенно свободно вели себя рыбы, когда в лаборатории тушили свет.

Может быть, они видят взбаламученную воду и поэтому побаиваются этого места? Ночью же они смелеют.

Кандидат технических наук Ю. Кузнецов пришел к другому выводу. В Тихоокеанском научно-исследовательском институте морского и рыбного хозяйства и океанографии он провел серию опытов и убедился, что рыбы пугаются не движения пузырьков воздуха, а звука, который они при этом издают. Ведь рыбы чувствительны к звукам почти так же, как и человек.

Не всякий шум пугает рыб. Звуки высокой частоты — вот что их настораживает. Уж очень непривычны они для моря. Причем наиболее сильны эти звуки в одном-двух метрах от воздушной завесы. Вспомните, что именно там задержались косяки, будто натолкнувшись на стенку.

В аквариуме дело обстояло иначе. Там рыбы терялись — они не могли определить источник звука, который многократно отражался от стенок и дна. Слишком тесно... А ночью рыбы еще и плохо видели и становились смелыми.

Сильно бурлящая вода, как выяснил Ю. Кузнецов, излучает звуки низкой частоты. К ним обитатели морей привыкли, поскольку само море и его жители издают очень похожие звуки. Во время опытов рыбы не обращали никакого внимания на искусственные волны.

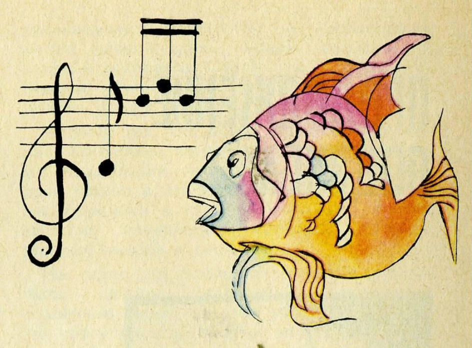
Можно ли использовать «нелюбовь» рыб к различным звукам? Оказывается, это уже делают. Японские рыбаки, например, приманивают тунцов, акул, лососевых, выбрасывая в воду специальную капсулу со сжатым воздухом. Под водой капсула лопается, воздух разлетается пузырьками. Рыбы издалека спешат к этому месту. Они думают, что это плещется мелкая рыбешка, которой можно поживиться. Пузырьки сжатого воздуха шумят очень похоже.

Иногда японские рыбаки устраивают около борта судна искусственный дождь. Полосатый тунец оказывается тут как тут и, конечно, попадается на крючок. Он думает, что идет «сардиновый дождь» — так говорят рыбаки о большом количестве плещущихся сардин. Хитрость удается опять-таки благодаря схожести звуков.

Помогла воздушная завеса и советским рыбакам, которые ловили неводом прибрежную сельдь. Косяки сначала шли на шум — им казалось, что это шумит впадающая в море река. Было время нереста, рыба собиралась покинуть соленые воды и уйти в пресные. Вот почему она и устремлялась на звук. Подойдя ближе к воздушной завесе, сельдь замечала обман и останавливалась. А затем поворачивала, чтобы обойти шумящее место. Она направлялась вдоль стены из пузырьков и попадала прямо в невод.

Конечно, не только для ловли рыб можно использовать звуковые завесы. Ю. Кузнецов считает, что с их помощью удобно сохранять рыбу, не пускать ее в опасные места, которые есть вблизи гидротехнических сооружений.

В. ДРУЯНОВ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОДВИГА

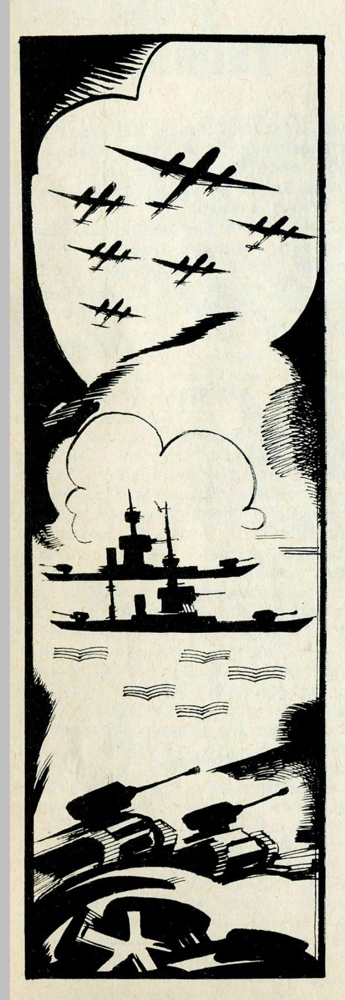

Рис. Л. Сизякова

Среди поздней осени неожиданно вернулись те теплые дни, когда над горами дрожит зыбкое марево, а ровные квадраты виноградников просвечивают сквозь охру каким-то непонятно зеленым налетом. Тогда видна каждая серая строчка дороги на покатых боках вершин, каждая куртинка дубов над желтыми осыпями.

Спокойная, чудесная пора, когда вновь оживают кавказские пляжи, многолюднее становится на улицах курортных поселков, а в заливах яблоку негде упасть от прогулочных лодок.

«Комета» наша шла в Новороссийск, обгоняя кургузые рыбацкие шаланды. Вспениваясь, разламывалась за кормой волна, белый кипящий след рассекал воду, словно мерцающий луч прожектора. Только не было в нем тревожности грозных военных лет, того напряженного ожидания вражеских налетов, которым жили защитники города в лихую годину великой битвы с фашизмом.

Бухта открылась неожиданно. И вот уже, вырастая на глазах, полетел навстречу берег с белыми домиками кварталов, белыми клубами дыма над высокими трубами цементных заводов, белыми террасами карьеров в обрывистых кручах гор.

Новороссийск. И в первый раз встречаешься с ним, как со старым знакомым. О его подвиге сложены песни, имена его героев так же легендарны, как имена защитников Одессы и Севастополя. Их слава живет в строгой торжественности обелисков, в стремительном порыве торпедного катера, на века застывшего на постаменте, в суровом молчании заросших окопов Малой земли.

Раньше этот крохотный пятачок суши рядом с морем был далековато от центра, теперь же город разросся, и отсюда, где высится каменная стрела памятника, рукой подать до крайних белоснежных домов. Тихо на берегу. Но можно ли назвать тихими оплывшие от времени окопы, заросшие воронки от бомб, темнеющие провалы блиндажей и землянок? Сколько раз штормило море с тех грозных пор, давно бы уже к самым волнам подступили дома новостроек, но здесь мемориальная зона — все оставлено так, как было в войну.

Идешь вдоль траншеи, перепрыгивая через остатки ходов сообщения, и невольно пытаешься представить, как начиналась Малая земля. Вот тут залегла первая цепь, а здесь, наверное, в тесном закутке блиндажа отдыхали матросы морской пехоты во время редких затиший, и наконец на самой отмели ищешь следы противотанковых пушек, что выкатывали солдаты на берег той далекой легендарной ночью. Она была на редкость промозглой, ночь на 4 февраля 1943 года. Море штормило, летели в лицо пенные брызги волн, бесновался ветер. А десантники радовались, погодка что надо, лучшей не придумаешь. Зарываясь по рубку в волны, шли к берегу старые рыбацкие мотоботы. Не шли — подкрадывались без сигнальных огней, с приглушенными моторами. Гитлеровцы их не ждали, не могли поверить в такую дерзость, и триста десантников под командованием майора Куникова высадились тихо, без единого выстрела. И понеслось в эфир открытым текстом донесение о том, что «полк» оседлал Мысхако. А потом было первое утро подвига, когда земля перемешалась с небом и трудно было понять, откуда берутся у солдат силы отбивать настырные атаки фашистов. Первое утро подвига, который продолжался 225 дней.

Ночами подходило подкрепление, мотоботы увозили раненых. Каждый день на этот каменный клочок земли глубиной в два километра падали бомбы, летели снаряды и мины, фашисты обрушивали на Малую землю бушующий океан огня. Казалось, не может выстоять здесь и камень, но солдаты держались. И не было такой силы, которая могла бы оттеснить их к морю. И вот настал тот день, когда они перешли в наступление. Отсюда, с Малой земли, началось освобождение Новороссийска.

Многие герои обрели свою вечную славу на этом плацдарме. Был среди них и Михаил Михайлович Корницкий. Это имя я слышала раньше, но подробнее узнать о его подвиге помог случай.

Возле обелиска встретила я пионеров из городской средней школы № 2. С усердием укрепляли они маленькие рябинки, клены и тополя мемориальной аллеи. Ее посадили старшеклассники, и так уж получилось, что вырастить здесь деревца оказалось делом хлопотным и трудным.

Кто не слышал о местном норд-осте! Когда налетает коварный ветер, даже летом становится холодно. Тогда шумит море, и с гор ползут темные моросящие тучи. Но что тут норд-ост! На Малой земле, кажется, сошлись воедино все стрелки розы ветров. Здесь дует со всех сторон. И когда посадили первые деревья, они не перенесли зимы. Забил ветер. Весной ребята привезли новые саженцы, но и их сильно потрепала роза ветров. Так было трижды. Сегодняшние деревца укоренились, окрепли. А чтобы выстояли они, ребята делали подпорки из колышков.

Мы быстро познакомились, а потом со Светой Исаевой из 7-го «В» пошли в школу.

В сорок третьем году на том месте, где стоит школа, кипела война. Здесь насмерть стояли малоземельцы. Об этом рассказывают документы и фотографии музея боевой славы. Среди вырезок из газет и журналов Света отыскала пожелтевшую фронтовую листовку, в которой описан подвиг Михаила Корницкого.

А было так. Его взвод попал в окружение. Кончались патроны, все ближе и ближе подползали гитлеровцы. И тогда Михаил пошел в атаку. Обвязавшись гранатами, бросился в гущу врагов. Сам погиб, но спас товарищей, которые, прорвав кольцо, вышли к своим.

Не один год собирают красные следопыты школы материалы, связанные с жизнью героя. Многое уже знают ребята: что в юности Михаил восторгался знаменитым рейдом Таманской армии, что любимым героем его был Кочубей, что грезил он морем, мечтал о кругосветном плавании. Но хочется знать больше, поэтому и пишут ребята письма родным и знакомым героя, встречаются с ветеранами Великой Отечественной войны, дорожат каждой строкой воспоминаний фронтовых друзей Корницкого.

Десантников называли куниковцами. Теперь так зовут пионеров второй школы. И не только потому, что их дружина носит имя Цезаря Львовича Куникова, а потому что, повязывая красный галстук, ребята клянутся быть такими же стойкими, верными делу нашей партии, какими были герои Малой земли.

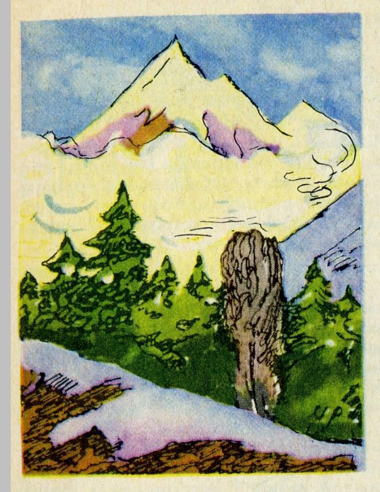
Необычно было видеть в музее большую фарфоровую вазу с ромашками. Зачем здесь она? Какова ее история?

Света рассказала, что вазу передала музею жена Цезаря Львовича. Из всех цветов больше всего нравились Куникову полевые ромашки. Перед войной подарил он жене эту вазу и часто, возвращаясь из-за города, приносил букеты белых цветов. Теперь в музее с начала лета до поздней осени стоят в вазе скромные цветы. А в день рождения героя право нарвать букетик ромашек получает лучший пионерский отряд.

Да, в день рождения принято дарить людям цветы. В знак доброго отношения к ним, уважения, признательности. В день рождения Советской Армии с благодарностью принесут юные к подножию обелисков яркие букеты цветов. За великий подвиг советских солдат, отстоявших наше сегодняшнее счастье, за беспримерный героизм, о котором вечно будут помнить новые и новые поколения людей.

Будут и другие цветы, огненные цветы салютов в вечернем небе, огромные сверкающие букеты. И один из этих букетов вручат Советской Армии за Малую землю, за легендарных куниковцев.

Т. ГОЛОВКИНА

НОВОСЕЛЫ ПАМИРА

Взвалив на плечи ящики и фотоаппаратуру, мы медленно начинаем подъем к крупнокаменистой россыпи, темнеющей на правой стороне ущелья. На вершинах хребтов ярко сверкают в лучах восходящего солнца снега. Розовые облака оживляют угрюмый пейзаж.

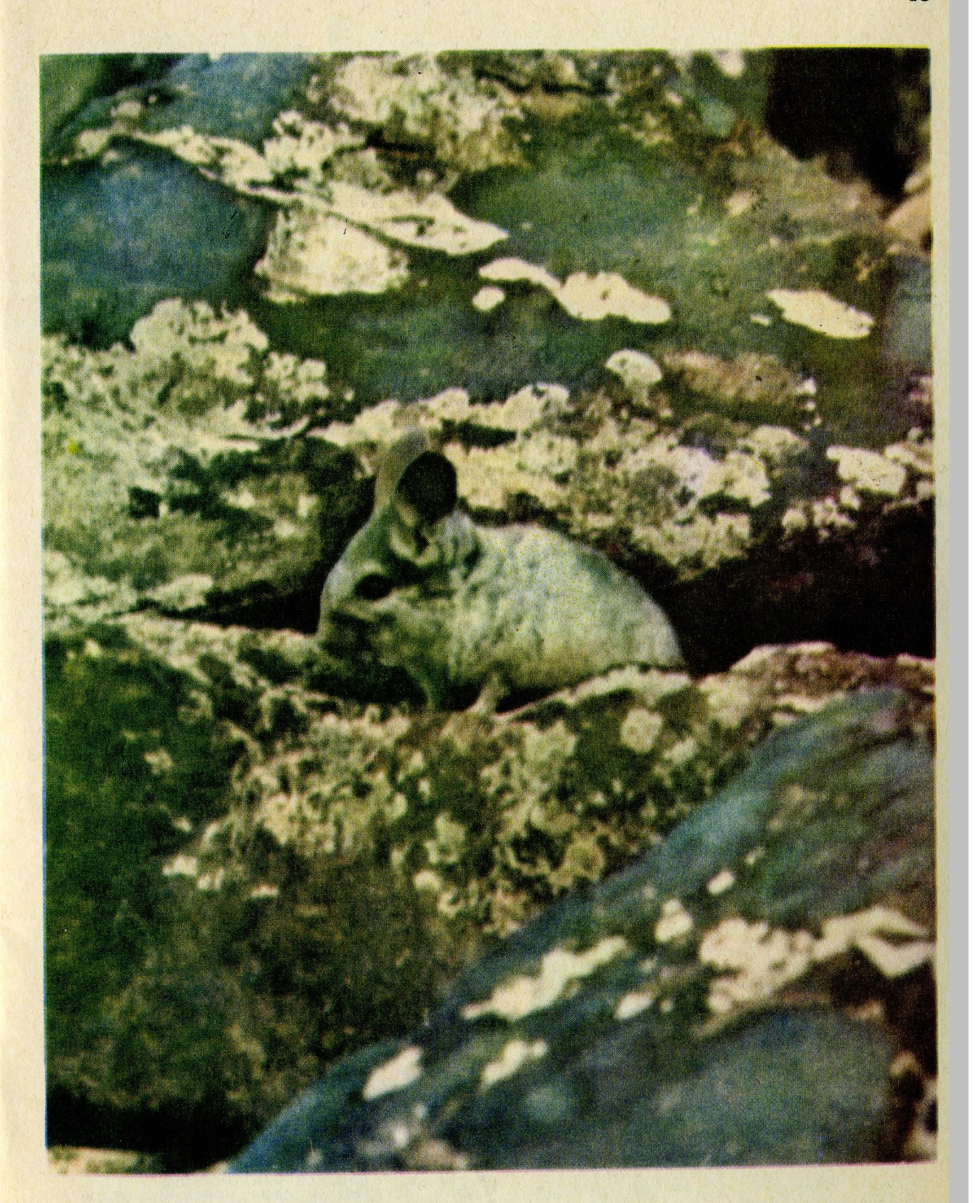
По обледенелым камням осторожно пересекаем неширокую, но бурную речушку. Узкая полоска невысокой зеленой травки по берегам обледенела и искрится на солнце драгоценными камнями. Сразу же за речкой, повторяя все ее движения, повернули в сторону и, обогнув огромный камень, стали карабкаться по крутому склону. Пронизывающий холод забирается под куртку, и кажется странным, что сейчас август и где-то люди изнемогают от жары.

Каждый шаг дается с трудом, не хватает воздуха, сердце бьется гулко, стучит в висках. Чем выше мы забираемся, тем безрадостнее становится картина. Кругом длинные осыпи нагроможденных камней. Делаем привал и, съежившись от холода, стараемся отдышаться. В ящиках кто-то шевелится, слышатся писк и возня. Михаил Павлович, начальник экспедиции, внимательно осматривает один из ящиков. В нем, разделенные перегородками, сидят четыре чем-то напоминающих молодых крольчат зверька. Испуганные, они жмутся к полу, затем, осмелев, встают на задние лапки и, поводя длинными усами, осматриваются. Серебристо-серый мех, большие черные глаза придают зверькам особую прелесть. Это шиншиллы — южноамериканские грызуны.

Еще в конце прошлого века они были широко распространены в высокогорных областях Южных Кордильер. Ценный мех этих зверьков, из которого индейцы шили себе теплую одежду и одеяла, а из нежного пуха вязали шали и делали ценные ткани, привлек внимание белых поселенцев Южноамериканского материка.

В короткий срок шиншилла была почти полностью истреблена и сейчас находится под охраной. Но зверьков пока мало. И шиншиллу стали разводить в клетках сначала в Северной Америке, а позднее в Западной Европе, Африке, Австралии.

Несколько лет назад в туманный декабрьский день в Шереметьевском аэропорту Москвы совершил посадку серебристый лайнер ТУ-104 с необычным грузом на борту. В нашу страну из Америки впервые доставили 200 забавных пушистых зверьков, бабушек и дедушек обитателей наших ящиков. Ученые размножили их. Когда зверьков стало восемьсот, решили часть шиншилл выпустить в самом высокогорном районе страны — на Памире. Небольшую партию зверьков выпустили в ущельях Западного Памира на высоте 1200—2000 метров над уровнем моря. Но уже первые наблюдения показали, что шиншилле недостаточна эта высота. Зверьки на следующий же день стали пробираться выше, пока не достигли вечных снегов. Кроме того, в ущельях Западного Памира было много хищников — каменной куницы, и гюрзы, и это вызывало опасение за судьбу переселенцев. Ученые решили изучить пустынные районы Восточного Памира. Высокогорье, сухость климата, отсутствие хищников, способных повредить шиншилле, — все это вселяло уверенность, что зверьки здесь хорошо приживутся.

Так наша небольшая экспедиция оказалась в центральной части Восточного Памира. Позади остались живописный перевал Чигирчик и покрытая изумрудом зелени Алайская долина, перевал Кызыларт с ярко-красными скалами и безжизненная высокогорная долина смерчей Маркан-Су, самый высокий перевал в стране Ак-Байтал и красивое соленое озеро Каракуль.

Приютила нас избушка памирских биологов, построенная на высоте 4500 метров над уровнем моря в узкой долине с оживленно журчащей речкой.

Вокруг избушки росли пушистые, одетые в белую шубку эдельвейсы. В центре каждого цветка — бархатная желтая пуговка, окруженная пятью плотными цвета старого серебра лепестками. Добыть эдельвейс считается верхом мужества. Альпинисты издревле охотятся за ним. А нам приходилось обходить полянку с эдельвейсами, чтобы не помять эти сказочные цветы.

На Памире я впервые почувствовал, что такое высота. Сделаешь резкое движение, засмеешься, а потом долго восстанавливаешь дыхание. Здесь нужно все время превозмогать усталость. Недаром в этих горах когда-то возникла легенда о духах, которые закрывают путнику рот паутиной и сидят на его ногах.

Весь день мы отдыхаем в избушке, приводим в порядок снаряжение, кормим шиншилл. Зверьки хорошо перенесли длительную дорогу и выглядят куда веселее своих проводников. Завтра мы совершим последний переход и выпустим зверьков на волю.

Снова в пути. Слегка заметная тропка, проложенная козерогами, немного облегчает путь. Но иногда она выводит к отвесным скалам, преодолеть которые могут лишь эти непревзойденные скалолазы. Приходится возвращаться, искать окольную дорогу. Среди камней, покрытых причудливыми рисунками лишайников, кое-где разбросаны кустики терескена, лишь слегка приподняли свои головки над землею крупки, остролодочники, ковыльки. Бедна растительность, да и откуда ей быть богатой, если днем температура доходит до тридцати градусов тепла, а ночью на землю ложатся заморозки, если воздух так сух, что редкие капли дождя высыхают, не успевая долететь до земли, а выпавший снег испаряется не тая. Однако нашей шиншилле кормов здесь предостаточно. В сутки ей надо всего 20—30 граммов пищи: стебельков, листьев, семян, корешков или луковиц засухоустойчивых растений. Жажду же зверьки утоляют влагой из листьев высокогорных растений — суккулентов и росы.

Окончательно выбившись из сил, мы наконец добираемся до россыпи. Миллионы камней различных размеров образовали застывшую каменную реку, языком спускающуюся с хребта. Высота 4800 метров над уровнем моря.

Михаил Павлович обследует россыпь, заглядывает в темные таинственные расщелины, пустоты. В скрытых от глаз лабиринтах темно, температура держится там постоянная. Распаковываем ящики. Большинство зверьков сразу же покидают их и принимаются обследовать каменную реку. Некоторые все еще сидят в ящиках, и только наше вмешательство заставляет зверьков покинуть ставшее для них привычным убежище. Шиншиллы деловито снуют среди камней, иногда выскакивают на камень, осматриваются и тут же исчезают в россыпи. Слышится писк дерущихся, не поделивших приглянувшееся укрытие. Некоторые из зверюшек обнюхивают растения, подгрызают их и, усевшись на задние лапки, едят.

Прошел час, шиншиллы успокоились и затихли. Солнце поднималось все выше, становилось жарко. Это и прервало бурную деятельность шиншиллы — ведь зверек ведет ночной образ жизни.

Мы прождали еще час, но шиншиллы исчезли, будто растворились. Ничто не выдавало присутствия новоселов этого сурового и мрачного края.

Спуск к избушке занял немного времени. Ноги сами несут вниз. Заметив нас, засвистели на разные голоса сурки. Толстые и важные отцы семейств, загнав в норы шаловливых сурчат, зорко следят за каждым нашим движением и скрываются в норах, когда до нас остаются считанные метры.

Пропустив редких в этих местах двуногих существ, они вновь выходят из нор, коротким свистом сообщают, что опасность миновала. Тут же выскакивают сурчата во главе с заботливой мамашей.

Передохнув в избушке до вечера, мы вновь забираемся на россыпь и готовимся терпеливо ожидать появления наших новоселов.

Как только солнце скрылось за ближайшим хребтом, в ущелье вполз сумрак, стало холодно. Ожидать пришлось недолго. Справа от меня на плоский камень выскочил зверек и замер. Осторожно навожу на него бинокль. Это большеухая пищуха, далекий родственник шиншиллы, живущий с незапамятных времен на памирских высотах. Своим образом жизни она напоминает шиншиллу, но в отличие от южноамериканской гостьи обладает ничего не стоящей шкуркой. Тревожно цыкнув, пищуха исчезает среди камней. Мелькнула спинка шиншиллы. Обманутый тишиной зверек бесшумно, резкими короткими скачками запрыгал по каменным плитам к краю россыпи, остановился у кустика какой-то травки и стал медленно жевать.

Ночь вступает в свои права — бинокль уже бессилен. Осторожно взяв карманный фонарик, направляю яркий луч света на зверька. Серая окраска шиншиллы полностью сливается с окружающим фоном крупнокаменистой россыпи, и только блеск глаз выдает ее присутствие. Зверек не боится света. Но стоит сделать неосторожное движение, как шиншилла исчезает.

Скачущие по камням лучи фонарей товарищей говорят о том, что и они видят выбравшихся из подземелий зверьков. Часа два бодрствуют шиншиллы, а затем показываются все реже и реже и наконец совсем исчезают.

Долго тянется эта холодная памирская ночь. Полушубок плохо спасает от холода, и зубы непроизвольно выбивают дробь. Шиншиллам лучше — и ветра там у них не было, да и шубки у зверьков потеплее наших. У шиншилл на каждом квадратном сантиметре шкурки свыше двадцати пяти тысяч мягких волосков. Попробуй замерзни в ней! Хочется спать, но нужно дождаться утра и отметить время появления зверьков в утренние часы, чтобы и остальные ночи не проводить на холодных каменных плитах. Мысли вновь и вновь возвращаются к шиншиллам. Живут они парами и приносят два-три раза в год по одному-два детеныша. Щенки родятся вполне развитыми и опушенными, зрячими и с прорезавшимися зубами. Едва обсохнув, они хорошо бегают и прыгают, а через несколько дней начинают есть растения. Эти таинственные зверьки не роют себе нор, не благоустраивают гнезда, не запасают кормов.

Все это наводит на мысль, что шиншилла не придерживается какого-то определенного места, а постоянно перемещается в поисках лучших убежищ и кормов.

Понравится ли шиншилле выбранная нами россыпь? А если нет? Где ее искать на будущий год? Таких россыпей, как наша, здесь десятки. Разве найдешь ее в этом каменном хаосе. Потребуется, вероятно, не один год, пока шиншилла расплодится настолько, что не заметить ее присутствия будет нельзя.

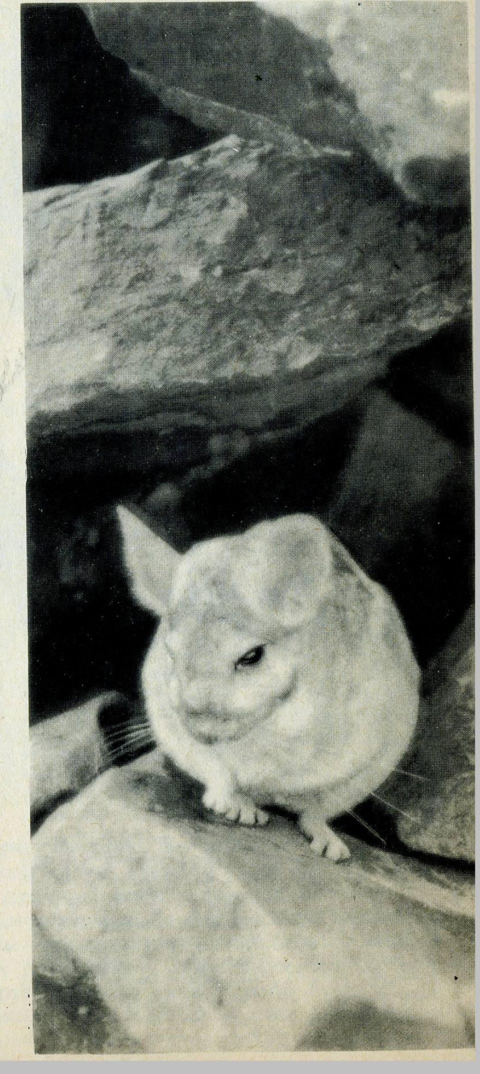
Приближается рассвет, а с ним и конец нашего трудного дежурства. Шиншиллы появляются вновь, когда лучи невидимого пока еще солнца освещают облака и вечные снега на вершинах хребтов. Сгоняя остатки сна, молниями носятся они среди камней. Неподвижные фигуры окоченевших наблюдателей, казалось, их нисколько не тревожат. В трех метрах от меня одна из шиншилл стала купаться в песке. Довольная принятой «ванной», она встряхнулась несколько раз, и мех ее стал пышным и ровным, как головка одуванчика. Набегавшись и насытившись, шиншиллы с первыми лучами солнца снова уходят в свои подземелья.

Быстро проходят дни, заполненные предрассветными и вечерними наблюдениями за новоселами. С каждым днем зверьки все более дичают, становятся осторожнее. Кажется, зверюшки не догадываются, лазая по скалам «Крыши мира», что вокруг них неродные пейзажи их предков.

Нам пора возвращаться в Москву. Прощай, суровый, красивый край, прощай, пушистая жемчужина Кордильер. Надеемся, что на могучих хребтах советского Памира ты обретешь свою новую родину.

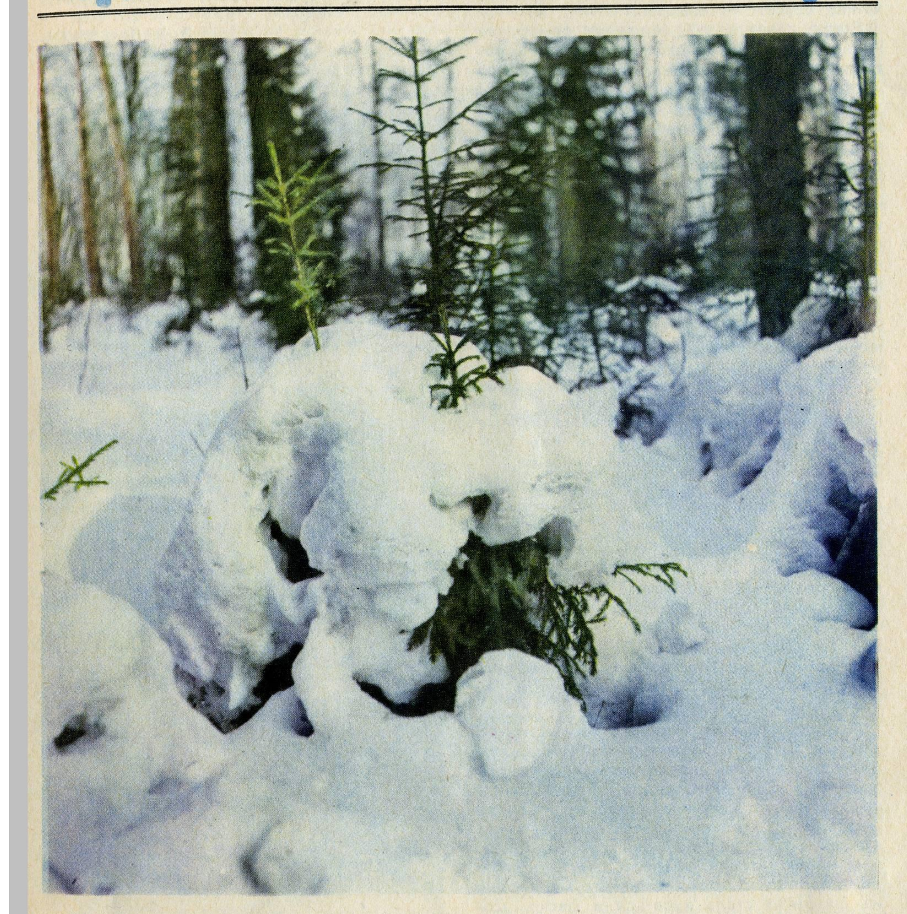
В. РАЗМАХНИН,
кандидат биологических наук

Фото автора

ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА

ФЕВРАЛЬ

Кончится февральский день, загудит, зарыщет по улицам и переулкам едкая метель, занося, ломая, путая напоследок свои зимние дороги.

Чаще стал переворачиваться с бока на бок в берлоге медведь, просыпаясь, потянулся в теплой норе барсук, нет-нет да и заглянут теперь в лес вороны, чтобы присмотреть хорошее место для будущего гнезда. Глухарь уже выбрался из чащи, где провел всю зиму, и поселился неподалеку от ягодного болота, куда скоро соберутся на весенний ток все глухари.

До весны уж рукой подать. Не о ней ли поет свою радостную песенку большая синица?

Пожалуй, нет такого человека, который не знал бы большую синицу, эту желтогрудую птичку с черным галстучком через всю грудь.

Только покажется над пожелтевшей березой осень, как первая большая синичка уже наведывается к вам под окно, быстро обследует ветки деревьев, карниз, балкон, заглянет даже в приоткрытую форточку и потом исчезнет на день-другой, будто приходила проверить, как ждут ее здесь к зиме. Вот опять нахмурилось небо, потянул сырой, холодный ветер — и тут же под окном появилась ловкая желтогрудая птичка, а следом за ней другие большие синицы. Быстро обследовали прибывшие гостьи все углы дома, все ветки деревьев, попинькивая и шипя грозно друг на друга, и снова улетели.

Если в это время ты поторопишься поставить кормушку да еще выложишь туда угощения, будь уверен — каждый день под твоим окном всю осень и зиму будут крутиться синицы, будут завтракать, обедать и ужинать у тебя в гостях.

Если ласково и гостеприимно встретишь синичек, на деревьях и кустах в твоем саду не будет вредителей — всех личинок их, спрятавшихся на зиму под корой, на ветках, в щелях дома разыщут неугомонные птички. А чтобы вредители плодов, ягод и овощей совсем забыли дорогу в сад и на огород, повесь небольшие птичьи домики — синичники. Зимой в этих домиках синицы будут ночевать, а летом выведут птенцов, и тогда целый отряд работящих внимательных птиц будет стеречь в твоем саду урожай.

Чуть пригреет солнце, чуть покажется на краю крыши первая капель, как, опережая ее, зазвенит за зимним окном громкая синичья позывка. Пинь-пинь-пинь — без умолку отбивает, как в золотой колокольчик, свой нехитрый гимн весне и солнцу большая синица, пережившая с твоей помощью трудное зимнее время. Пинь-пинь-пинь-пинь — скоро, очень скоро в синичнике запищат, заегозят птенцы. Потом они подрастут, выберутся из синичника, осмотрятся, обживутся в саду недалеко от родного дома и следом за матерью отправятся в путешествие.

Присмотритесь внимательно к большим синичкам. У одних птиц черный галстучек проходит через грудь, опускается ниже, на брюшко и тянется к самому хвосту. Запомните: такая широкая и длинная полоска красуется на грудке и на брюшке только у синицы-самца. Если же полоска поуже и обрывается, не доходя до брюшка, — значит перед вами самочка.

Теперь, когда вы научились отличать самочку от самца, понаблюдайте и запишите в свой дневник: какие птицы больше всего ссорятся между собой: самцы, или самочки, или самочки с самцами? О своих наблюдениях обязательно напишите в «Лесную газету». Только не пробуйте никогда заводить дома в одной клетке двух больших синиц — очень часто эти птицы не уживаются друг с другом. И если на воле птичка послабей старается держаться подальше от задиры, то в клетке ей некуда деться — и частенько одна из птиц погибает в драке.

Не забудьте, что большая синичка любит несоленое сало, семечки подсолнуха, мучных червей, коноплю, хорошо разваренные сахарные мясные косточки.

Позаботьтесь о своей старой знакомой, помогите ей дождаться весенних дней, и тогда вскоре услышите вы за зимним окном, с самой вершины тополя звонкую синичью позывку — первую песню весны: пинь-пинь-пинь-пинь — скоро весна, уже весна, здравствуй, весна!

В лесном хозяйстве для каждого дела имеются свои сроки. Все работы распределены по временам года и даже по месяцам. Не успел в срок, опоздал — откладывай до будущего года. Посадку леса, например, нужно выполнять обязательно в апреле или в первую неделю мая, пока не распустились почки. Правда, можно посадить деревья и в октябре, но весной они приживаются лучше. Сбор семян, уход за лесом, посевы в питомнике, подкормка зверей и птиц — о многом узнаете вы, юные лесничие, из советов, напечатанных под этой новой рубрикой. А ведет ее известный московский лесовод Валерий Григорьевич Барков.

В феврале готовят семена к посеву. Лесоводы называют эту операцию стратификацией — от латинского «стратус» — слоистый. В природе бывает так: упадет зрелое семечко на землю и пролежит осень и всю зиму под толстым слоем снега, к весне наберется сил и прорастет. Если собранные осенью семена продержать сухими где-нибудь в чулане или на шкафу, то весной они не прорастут — ведь за многие тысячи, а может, и миллионы лет растения выработали свои привычки, к которым приходится приспосабливаться. Семена помещают в ящики с песком или торфом. На одну часть семян берут три части речного промытого песка или торфа 50—60% влажности. Ящики нужно держать в помещении с температурой от двух до восьми градусов тепла. В дне и стенках ящиков делают отверстия для воздуха и дренажа. Раз в две недели необходимо перемешивать семена, увлажнять песок.

Некоторые породы деревьев и кустарников требуют длительной стратификации, но есть и такие, для которых достаточно двух-трех месяцев. Из деревьев это бархат амурский, груша лесная, клен остролистный, яблони лесная и китайка. Из кустарников — жимолость, ирга, смородина золотистая. Всего один месяц стратифицируют семена яблони сибирской, клена ясенелистного, ясеня зеленого. Выходит, что в феврале не поздно начинать стратификацию семян многих деревьев и кустарников.

Подготовка семян к посеву — дело очень тонкое. Опытные лесоводы пользуются различными способами, подсказанными практикой и наблюдениями.

Желуди дуба, например, всю зиму хранят в глубоких непромерзающих траншеях, а семена клена остролистного — в неглубоких канавках под снегом. Липа, боярышник, кизильник требуют длительной стратификации, вяз и желтую акацию, наоборот, можно сеять совсем без подготовки, сразу после сбора.

Черная ольха, жасмин-чубушник, некоторые спиреи роняют свои семена поздней осенью, часто даже в снег, поэтому посев этих пород по снегу дает наиболее хорошие результаты.

В Подмосковье зимние посевы начал делать старший лесничий мытищинского лесопарка Д. Н. Маринин. Давно мечтал он вырастить в лесном питомнике жасмин. Сеял его, как обычно, весной, но ничего не получалось: то всходы плохие, то их солнце спалит. А под старыми кустами жасмина каждый год появлялась щетка молодых всходов. В чем же дело?

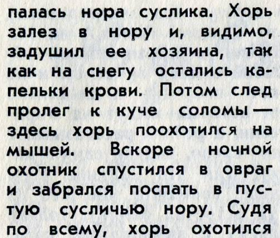
Как-то поздней осенью сидел Дмитрий Николаевич у стола за книгой и поглядывал в окно. Прилетели снегири, уселись на куст жасмина и стали лакомиться семенами. Толстыми клювами теребили ветки, сорили семена. Снег под кустами был весь в черных точечках. Дмитрий Николаевич отложил книгу в сторону и подошел к окну. Не потому ли под кустами хорошие всходы, что семена падают в снег?

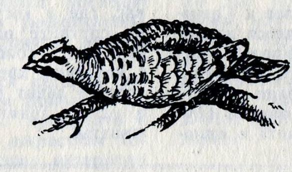
Попробовал посеять жасмин зимой и в первый же год получил хорошие результаты.

Наиболее подходящее время для зимних посевов — декабрь, но можно попробовать и в феврале.

«Сегодня ночью выпал небольшой снежок, — пишет Толя Попов из белорусской деревни Поддубовка, — утро было теплое, и я решил поискать по свежему снегу чьи-нибудь следы. В овраге я увидел некрупный след. Он шел цепочкой. Зверь передвигался прыжками. Я сразу догадался, что это путешествовал степной хорь. След то опускался на дно оврага, то поднимался вверх. По пути хорю попалась нора суслика. Хорь залез в нору и, видимо, задушил ее хозяина, так как на снегу остались капельки крови. Потом след пролег к куче соломы — здесь хорь поохотился на мышей. Вскоре ночной охотник спустился в овраг и забрался поспать в пустую сусличью нору. Судя по всему, хорь охотился уже под утро, после того как перестал снег».

А вот интересное сообщение Д. Медведева из Иркутска:

«У меня есть товарищ Боря. Мы с ним пошли в лес. В лесу пахло хвоей и шишками. Мы подошли к скале, и вдруг в воздухе раздался резкий треск. Большая серая птица мелькнула среди елок и села на густую сосну. Она притаилась, но я тихо свистнул. Птица чуть шевельнулась, и я различил силуэт рябчика. Боря в это время шагнул в сторону, и у него из-под ног вылетел второй рябчик. Он стремительно унесся в чащу. За ним полетел и первый рябчик. Потом мы внимательно изучили то место, откуда взлетели птицы. Оказалось, что первый рябчик услышал нас, выбрался из снежной спальни и бежал по снегу метра два, прежде чем взлететь. А второй рябчик взлетел прямо из снега».

Загадали загадку птицы и Мише Бурцеву из города Верховца Днепропетровской области. Только Мише не впервой встречаться с лесными обитателями.

«В последнее воскресенье января мы пошли в поход, — рассказывает Миша. — За городом мы увидели много строчек птичьих следов, которые обычно оставляют жаворонки. Мы очень удивились — ведь у нас обычно зимуют лишь хохлатые жаворонки, а они держатся парами — так откуда же столько много следов на одном месте? Мы пошли дальше и вспугнули несколько птиц. Нам удалось подобраться к ним поближе и хорошо рассмотреть в бинокль. Это оказались северные гости — полярные жаворонки — рюмы. Под горлом у рюма черное пятно, а у самцов по бокам головы торчали, как рожки, удлиненные черные перья. Эти интересные птицы гнездятся на севере, а зимой откочевывают в среднюю полосу, но на случай суровой зимы оказывается, залетают и к нам, на юг».

Три отчета юных следопытов поместили мы сегодня. И хотя разные встречи были у ребят на белой тропе, но они сумели распутать хитрую вязь следов. Несомненно, в этом помогли им занятия в «Школе следопытов».

Здравствуйте, мои дорогие друзья. Ровно год назад Таня Викторова рассказывала, как она шла около реки, которая местами не замерзла, и вдруг увидела птичку, очень похожую на воробья. И эта птичка вдруг нырнула в ледяную воду. Да, да, есть такая птичка, которая может нырять в ледяную воду. Послушайте еще один интересный рассказ об этом удивительном ныряльщике. Его прислал нам Саша Стаканов из деревни Черная Слобода Вологодской области.

«Прочитав рассказ Тани Викторовой, я сразу догадался, о какой птичке идет речь. Я тоже не раз встречался с ней, ибо живет она около нашего дома в речке. Издавна бьют в этом месте ключи родников, и поэтому вода у берегов не замерзает. Однажды вижу: расхаживает с камня на камень птичка. Буроватая, с белым нагрудничком. Клювом туда-сюда тычет — шарит под камнями, окунет головку в воду и там что-то ищет. Глубже и глубже она заходила, наконец вся ушла под воду. И вышла на отмель с чем-то светловатеньким в клюве. Сначала я тоже не знал, что это за птичка, но по-

том узнал, что это водяной воробей — оляпка. Она живет у незамерзающих ручьев и рек с прозрачной водой. Падает с лета в воду, бегает по дну, точно по суше, плавает, загребая крыльями, как маленькими веслами, хватает жука-бокоплава или мальков. Холодно кругом, мороз, а ей хоть бы что — стоит по грудь в воде и еще после этого поет. Вот какая это удивительная птичка оляпка».

Я хочу добавить несколько слов к Сашиному рассказу. Оляпка встречается не повсюду — живет она только на Урале, в Карелии, в Молдавии, на Кавказе, на Дальнем Востоке и на Алтае. Близкая родственница нашей оляпки бурая оляпка (бурая оляпка чуть побольше и одета в однотонную бурую шубку без нагрудничка) обитает и на юге Средней Азии. А на Украине, в Белоруссии, в Архангельской области, под Москвой оляпка вроде бы и не водится. Но вот получаю я несколько писем от ребят, которые живут на Украине и в Белоруссии, и ребята рассказывают мне, что, честное слово, видели самую настоящую оляпку. Так что задание всем вам, ребята, такое: сообщите мне, кто из вас, где и когда встречал оляпку. Только не спутайте оляпку с зимородком, который умеет тоже нырять. Эта яркая птица с коротким хвостиком и длинным носом хорошо ловит рыбу, но никогда не зимует в наших краях. Итак, на поиски оляпки, юннаты!

Не признает еще всерьез весны лиходейка-зима. Смягчится, оттеплеет — и опять за морозы. А уж солнце на весну работает, неостановимо льются яркие лучи. И первые их посадки — на крыши. Где прижгут снег — расставят клинки сосулек. Солнце пока с полдневной стороны смелее, с северной же его взгляд более смирен и тих. Еще холода не раз завернуть могут, но «февраль сшибет рог зиме».

В Древней Руси февраль считали последним месяцем года, ведь Новогодье справляли в марте, поэтому февраль прозывался «сеченем», как бы отсекающим год. Называли его еще «межень» — календарная межа зимы и весны, «снежень» и «лютый» — из-за снегопадов и морозов, приходящихся на эту пору. И все-таки самая меткая кличка февраля — «бокогрей»: на солнечной стороне сугрев чувствуется, пригревать начинает.

В сумерках гудит метелица столбовая. Ошалелый ветер горстями разбрасывает холодную снежную крупу, завивает в свитки подгоняемую ветром поземку, промозгло стонет в безраздельной удали. О пташках и разговору нет; зайцы и те прижались к гумнам да к одоньям — надежнее там. «Вьюги да метели под февраль полетели». В загадке, передаваемой искони от старого к малому, о вьюге говорится так: «Вдоль села бежит лошадка весела, бежит да потряхивает». Потряхивает снегом, пухнут искрометные сугробы. А о морозе своя загадка сложена: «Старик у ворот тепло уволок, сам не бежит и стоять не велит».

Все выше вздымаются косяки сугробов, тверже лубенеют, заволакиваются речки. «Бокогрей» щедр и на снег, и на холод. Но вот понемногу отпускать стало. Ярые морозцы умерились, хотя, возможно, еще не раз налетят: пока зима — владыка. После первой встречи весны, падающей на 15 февраля, затенькают робкие капели, на солнышке теплом потянет. Глубокие снега захрястнут, подернутся настом — по-старинному наслудом. По деревням когда-то в эту пору уже распевались веснянки — зазывные песенки.

На окнах мороз еще выводит художества — папоротники и пальмы, а уж воробьи заватажились по-весеннему. Расчирикались на полдневной стороне карниза, шустрее стали. Перелом зимы отмечает протяжной мелодией юркая синица. «Ци-ци-фюить, ци-ци-фюить», — доносится ее хрустальный голосок. А вместе с ней и овсянка запела веснянку.

Возросшее поступление тепла не бесследно в мире живой природы. Самый отзывчивый даже на скудное тепло — клен остролистный. Еще впереди будут трещать морозы и до снеготаяния далече, а у него уж вот-вот сокодвижение начнется: в древесных жилах напор сладкого сока. С солнечной стороны у одиночных деревьев покажутся затайки: снег как будто подастся, сникнет.

На прудах и озерах прорубают во льду отдушины, чтоб не получился замор рыбы. Ведь от недостатка кислорода рыба задыхается под ледяной броней, и пособить ей сейчас самое время. С зимовальных ям трогаются ерши, становище надоело.

Февраль зиму замыкает, новому сезону дорожку показывает.

А у вас?

Много юных друзей у зеленого великана, бережливых, заботливых, рачительных. В школьных лесничествах проходят они первые лесоводческие университеты, здесь приходит к ним настоящая любовь к зеленому другу.

К вам, юные, обращается сегодня редакция «Лесной газеты». Как охраняете вы родной лес, какие работы проводите в своих питомниках, сколько вырастили новых молодых посадок! Об этом интересно знать всем. Пишите в «Лесную газету». Пусть о вашем опыте знают ребята во всех уголках страны!

«Живем мы в даурских степях, где редко встретишь деревья. Но и у нас все больше появляется зеленых островов, высаженных заботливыми руками людей. За нашим лесничеством закреплен участок в 240 гектаров. Создание полезащитных полос у нас в самом разгаре. Мы сажали молодые леса на площади 50 гектаров. А в своем питомнике вырастили больше 300 тысяч тополиных саженцев. Мы знаем, как трудно дать путевку в жизнь дереву. Поэтому решили составить карту всех зеленых насаждений в городе. Сделали своеобразную перепись. Оказалось, что в нашей Борзе растет сегодня 376 865 деревьев. Каждое нанесли мы на карту».

Таня ЭПОВА

Борзинское школьное лесничество
Читинской области

Змеи-великаны

Все змеи-великаны Южной Америки относятся к группе боа. Но удавов уже давно разделили так, что некоторые, преимущественно мелкие, змеи — например, Боа хортулана, Боа куки — остались в группе боа, а наиболее известные удавы — констрикторы составили род Констриктор. Анаконды еще раньше были отнесены к особому роду Эунектес.

Обыкновенный удав-констриктор встречается в тропической зоне Колумбии всюду, где есть для него подходящие условия. Это лесная змея, она великолепно лазает по деревьям, но самые крупные удавы живут и на земле.

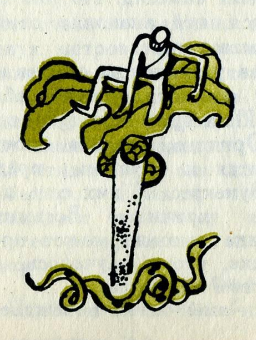
Представители этого вида не такие уж великаны. На Тринидаде есть удавы длиной пять с половиной метров, но это явное исключение. Сам я не видел удава-констриктора больше 4,2 метра.

Почему-то удав слывет опасным. Меня даже спрашивали, отважился бы я встретить в лесу удава. На это я совершенно искренне могу ответить, что не один десяток раз встречался с ними в лесу, и они, на мой взгляд, не опаснее любительской колбасы. Удав и колбаса примерно одинаково агрессивны. И одинаково вредны для пищеварения, если вы переедаете. Мясо удава белое, нежное и вкусное, правда, чуть жестковатое.

Бывает, удавы приносят вред людям: крадут по ночам кур и поросят, но это исключения. Вообще-то удава можно считать полезным животным. Он уничтожает мелких грызунов, особенно крыс, иногда поедает ядовитых змей. Когда мне во время моих исследований приходилось подолгу жить в лесу, я обычно при первом удобном случае ловил и приносил в свою хижину удава. Он поселялся в листьях крыши и помогал мне освобождать жилье от разных мелких вредителей.

Обычно удав отличается миролюбивым характером. Надо сильно его раздразнить, чтобы он начал сердиться. Часто свое недовольство он выражает громким шипением. (Другие южноамериканские змеи — не знаю уж почему — очень редко шипят.) А если вы будете и после этого докучать удаву, он способен вас укусить, словно злая собака. И не сразу отпустит вас своими тонкими, загнутыми назад зубами. Рана иной раз получается неприятная, но яда у удава нет. Зато через рану могут проникнуть вредные микробы, ведь бедняга удав не пользуется зубной щеткой, так что с гигиеной рта у него дело обстоит не блестяще.

Я держал много ручных удавов. Впрочем, называть их ручными, пожалуй, преувеличение, но они вели себя кротко и тихо, позволяя делать с собой почти все, что угодно, и никогда не причиняли мне зла. Самое трудное, как и со многими другими змеями, добиться, чтобы удавы ели в неволе. Это редко удается, а попытки насильственно

кормить их чаще всего приносят больше вреда, чем пользы.

Иногда ваш удав, отправившись на прогулку, пугает соседей, которые ищут убежища на деревьях. Это, конечно, нежелательно.

Еще когда я работал учителем в Санселехо, я жил рядом с двумя добрыми старыми тетушками, которые продавали фрукты нашему интернату.

Как-то вечером я возвращался со своим коллегой домой. Проходя мимо дома тетушек, я увидел в свете луны толстое извивающееся создание, которое из бочки с водой протискивалось в водосточную трубу.

Страшная мысль мелькнула в голове! Мы прокрались на участок тетушек и удостоверились, что извивающееся создание — мой ручной удав Эулалия. Попытались тихонько вытащить его из трубы, но из этого ничего не вышло. Ему явно нравилось быть в трубе, он твердо настроился там и остаться. Если учесть, что удав был длиной четыре метра и обладал недюжинной силой, совладать с ним, не поднимая шума, представлялось невозможным. А как раз шума-то и следовало избегать, чтобы не напугать старушек.

Что делать? Мы посовещались, не выпуская хвоста Эулалии, который она еще не успела втянуть в водосточную трубу. Наконец план был готов, и мы приступили к исполнению.

Я сел на землю за бочкой, крепко держа удава за хвост, а мой товарищ обошел вокруг дома и постучал в дверь. Он слышал, что тетушки хотели определить свою племянницу учительницей в местную монастырскую школу. Как раз сегодня кто-то сказал ему, что в этой школе заболела преподавательница. Если тетушки сейчас же туда пойдут и переговорят...

Старушки заволновались, поспешно надели свои мантильи и засеменили к школе. Мой молодой коллега вежливо проводил их и бегом вернулся к бочке, где я продолжал держать хвост Эулалии.

Общими силами нам все же удалось вытащить удава из водосточной трубы. После чего, взявшись каждый за свой конец змеи, мы бегом помчались ко мне домой.

Внеся беглянку в комнату, мы увидели посредине тела и без того упитанной Эулалии вздутие величиной с футбольный мяч! Она явно что-то проглотила, но что? Жуткое подозрение: уж не пала ли жертвой удава Мичи, обожаемая кошечка тетушек?

Чтобы замести следы преступления, мы засунули Эулалию в сундук, поставили туда ведро воды и заколотили крышку длинными гвоздями. Пришлось ей там переваривать свой ужин.

Через неделю я отнес Эулалию в лес и отпустил на волю.

В книгах можно прочесть, что змея — самое хитрое из всех животных. Эти слова писал не зоолог. Трудно представить себе менее хитрое существо, чем змея. Она во многих отношениях падчерица природы. Во-первых, бедняга скверно слышит, если только она не совсем глуха. Во-вторых, она сильно близорука. И наконец, ее центральная нервная система развита очень слабо. У шестиметровой анаконды мозгового вещества меньше, чем у трехнедельного котенка. Где тут быть интеллекту!

Анаконда встречается в Колумбии только к востоку от Анд, в бассейнах рек Ориноко и Амазонки. В этих местах, по мнению герпетолога Данна, мы имеем дело с особо крупным подвидом Эунектес муринус гигас, который, как и все анаконды, дал повод для многочисленных мифов.

Особенно горячо спорят о том, каких размеров достигает анаконда. Мне довелось измерить анаконду длиной 843 сантиметра, но я видел куда более крупных. А профессор Фред Медем, который, наверное, знает об анакондах больше любого другого современного герпетолога, считает, что они могут достигать двенадцати метров, а Эйвельманс допускает существование двадцатиметровых анаконд. Но никто не сомневается, что анаконда самая большая змея в мире.

Нрав у анаконды совсем не такой, как у смирных удавов обыкновенных. Индейцы, живущие по притокам Ориноко, весьма почтительно относятся к крупным представителям Эунектес. У них есть для этого веские причины. Восьмиметровая анаконда вполне может проглотить человека, что и случалось не раз, по словам индейцев.

Если змея легко побеждает и проглатывает очкового каймана длиной около двух метров, она вполне может сделать то же самое и со взрослым человеком, если он не вооружен и застигнут врасплох. Тем более если анаконда нападает в воде, в родной стихии, где она двигается очень быстро. Правда, анаконда редко нападает по своему почину. Но если ее раздразнить, то шутки с ней плохи.

Георг ДАЛЬ

Перевел со шведского Л. Жданов

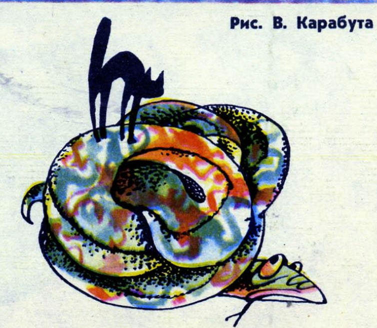
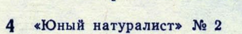

Рис. В. Карабута

КАМЕННАЯ РАДУГА

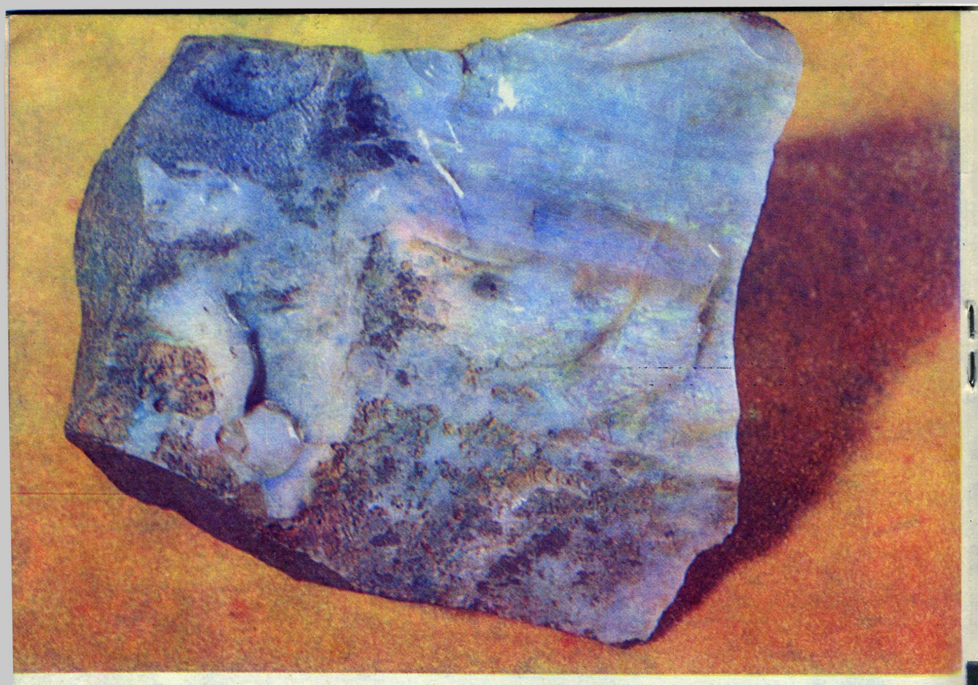

Элементы-хромофоры — титан, ванадий, хром, марганец, кобальт, никель, медь и прежде всего железо — главные живописцы минерального мира. Да только ли минерального? Тот же ион трехвалентного железа окрашивает нашу кровь и минерал гематит-кровавик — он входит и в кристаллическую решетку, и в молекулу гемоглобина. Есть, значит, и среди камней наши «кровные» родственники, стоит только копнуть поглубже, и окажется — кирпичики-то общие!

Не только целые проценты хромофора в составе ми-

Фото М. Мезенцева

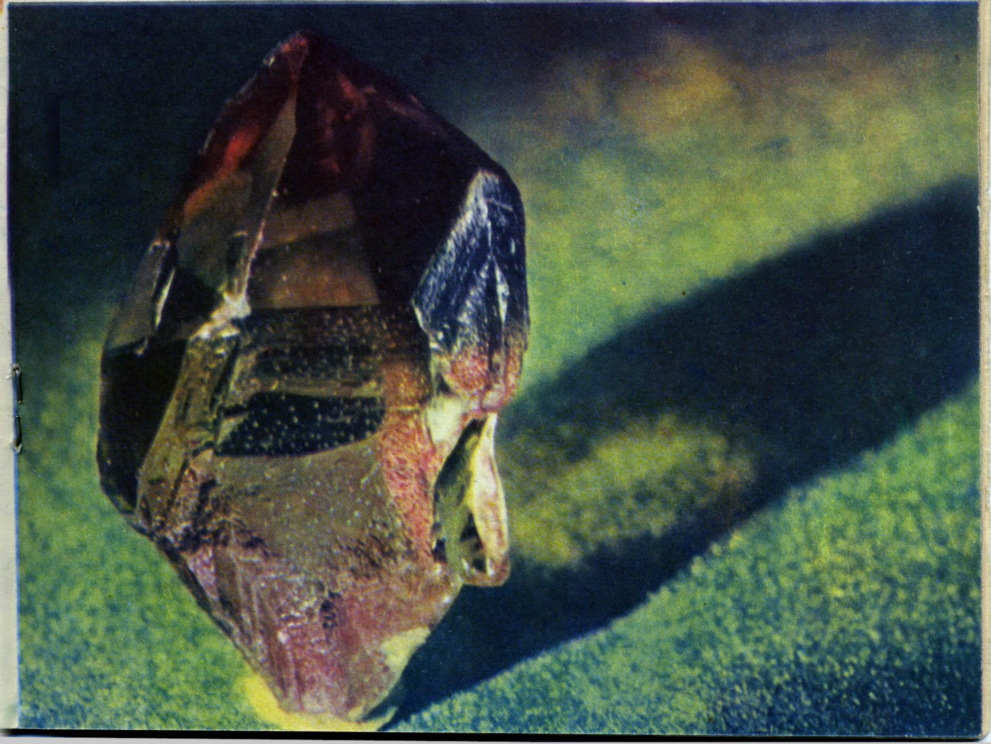

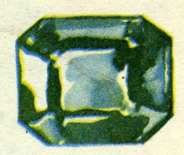
нерала, но и сотые и даже тысячные доли способны ярко окрашивать их, эти цветные минералы могут образовывать точечные включения, тонкие вростки в другие, прозрачные или полупрозрачные — тогда возникают новые тона и полутона, новые замечательные самоцветы. Взять хотя бы семейство кварца и его ближайших родственников халцедона и опала. Вот агат-моховик; если всмотреться в него пристально, в мглистой глубине видятся дремучие заросли не то мха, не то непонятных каких-то веточек или водорослей. Нет, это не растения, а ветвящиеся кристаллические сростки-дендриты зеленого хлорита в халцедоне. Тонкие струйки окислов железа и марганца, рыжие, бурые, черно-зеленые, вырисовывают в халцедоновой дымке целые города с домами, мостами, колокольнями — это руинный агат. Есть агаты, похожие на глаза лошади или оленя — черно-коричневая округлая сердцевина камня окаймлена голубым, как глазной белок, халцедоном, включения располагаются здесь концентрическими кольцами. Ярко-красные карнеолы и густо-розовые сердолики — излюбленные камни чеканных украшений Востока — тоже окрашены мельчайшими включениями окислов железа. А вот цвет халцедона-хризопроза, свежий, как весенний огурец, зависит от окислов никеля.

Иногда включения бывают и не очень мелкими — их хорошо видно простым глазом. Золотистые чешуйки слюды (или железной слюдки) наполняют мерцанием праздничный, но нескромный мишурный камень — кварц-авантюрин. Удивительные черные иглы и золотистые нити рутила пронизывают иногда кристаллы кварца. Это образование называют торжественно: волосы Венеры, стрелы Амура, или по-просту — кварц-волосатик. В некоторых зеленых кварцах различимы волоконца амфибола, листочки зеленой слюдки. А прозрачный индигово-синий кварц с Урала потребовал вмешательства оптики — только с двухсоткратным увеличением разглядела в кварце Валерия Александровна Корнетова тоненькие призмочки турмалина — виновников синей окраски. Независимо от цвета халцедонов и опалов эти минералы в отличие от кварца всегда несколько туманны, облачны: слагающие их тонкие волоконца-кристаллиты рассеивают цвет. А как же тогда молочно-белый кварц? Почему он мутный? Его окраска сродни окраске молока — она зависит от бесчисленных пузырьков: только в молоке они жировые, а в молочном кварце — водные или газовые. Такие же пузырьки с жидкостью придают яркий цвет и огненному опалу, только жидкость во включениях этого минерала окрашена окислами железа. Полежав на солнце, минерал вдруг коварно мутнеет, белеет, как чай с молоком, — влага в пузырьках испарилась.

А благородный опал? Тут дело другое! Прихотливым мерцанием опала управляют законы интерференции света (наложения световых волн). Опал, теряя влагу, пронизывается сетью микроскопических трещинок, разбивающих минерал на тончайшие слои, соизмеримые по толщине с длиной световых волн. (По мнению других ученых, тонкое расслаивание происходит при распаде опала на две разновидности с разной структурой кристаллической решетки.) В любом случае «механизм» мерцания примерно один — луч света, падая на кристалл, отражается от «пола» и «потолка» каждого слоя. Выйдя из кристалла, луч, отраженный от «пола», как бы догоняет «потолочный»: та отраженная цветная волна, которая поместилась «от пола до потолка» целое число раз, складывается с прямой волной, усиливается и окрашивает выходящий луч; белый свет при этом дробится на цветные лучики — в одном участке кристалла толщина слоя кратна зеленой волне, в другом — красной или синей. Чуть повернешь камень — изменится угол падения света по отношению к трещинке, а значит, и разность хода лучей, а значит, и

цвет — радужные искры загораются и гаснут, минерал мерцает! Примерно так же объясняется и «игра» жемчуга.

Есть особые камни среди бесконечного разнообразия самоцветов. Их неожиданная красота открывается вдруг, нечаянный поворот — и жгуче-синие, малиновые, золотисто-зеленые сполохи охватывают неприметный серый кристалл — это лабрадор. Его родственник — лунный камень — отсвечивает нежно-голубым. Загадка этих камней тоже кроется в оптических законах. Родившись в огненной магме или в горячих растворах, эти минералы при остывании распались на бессчетные параллельные пластинки (их видно только при громадных увеличениях электронного микроскопа); луч, падая на стопки тончайших прозрачных пластинок, дробится на цветные лучики.

А вот еще одно из несметных чудес «малахитовой шкатулки». В отрогах Сетта-Дабана, в Якутии, нам встретилась тонкая прожилка плотной светлой породы, зеленовато-серой, как якутский мох ягель. Удар молотка — и мы дружно ахнули: на свежем сколе, как брусника на ягеле, выступила ярко-розовая окраска, и тут же на наших глазах поблекла и исчезла, словно впиталась в камень. Еще удар — и снова то же чудо. Так наглядно ведет себя, пожалуй, только минерал гакманит, но минералов, меняющих окраску от действия световых или рентгеновских лучей, тепла или радиации — словом, при получении любой добавочной энергии, — не так-то мало. Это все минералы, в ионных кристаллических решетках которых есть неправильности, дефекты — «дырки». Скажем, в каком-то узле возник избыток или недостаток электронов, какая-то часть ионов переместилась из узлов решетки в междоузлия, а в узле образовалась пустота — вакантное место — «дырка». Как же «дырка» может влиять на цвет? Оказывается, может. Природа вечно стремится к совершенству, к ликвидации всяческих дефектов. Подчиняясь этому закону, кристаллы стремятся «залатать дырки»: поглотив часть световой энергии, электроны соскакивают со своих законных электронных уровней, приходят в возбуждение, в движение и могут оказаться захваченными «дыркой», как ловушкой. Поглощаются при этом, как правило, лучи, близкие тепловым, то есть красные и оранжевые (а значит, как вы помните, такие кристаллы имеют обычно синие и фиолетовые окраски). Таков цвет содалита, синего галита, лилового аметиста; такова же природа окраски дымчатого кварца, мориона, барита. Дефектом решетки определяется и нежно-розовая, блекнущая на солнце окраска кунцита и, конечно, чудесного гакманита.

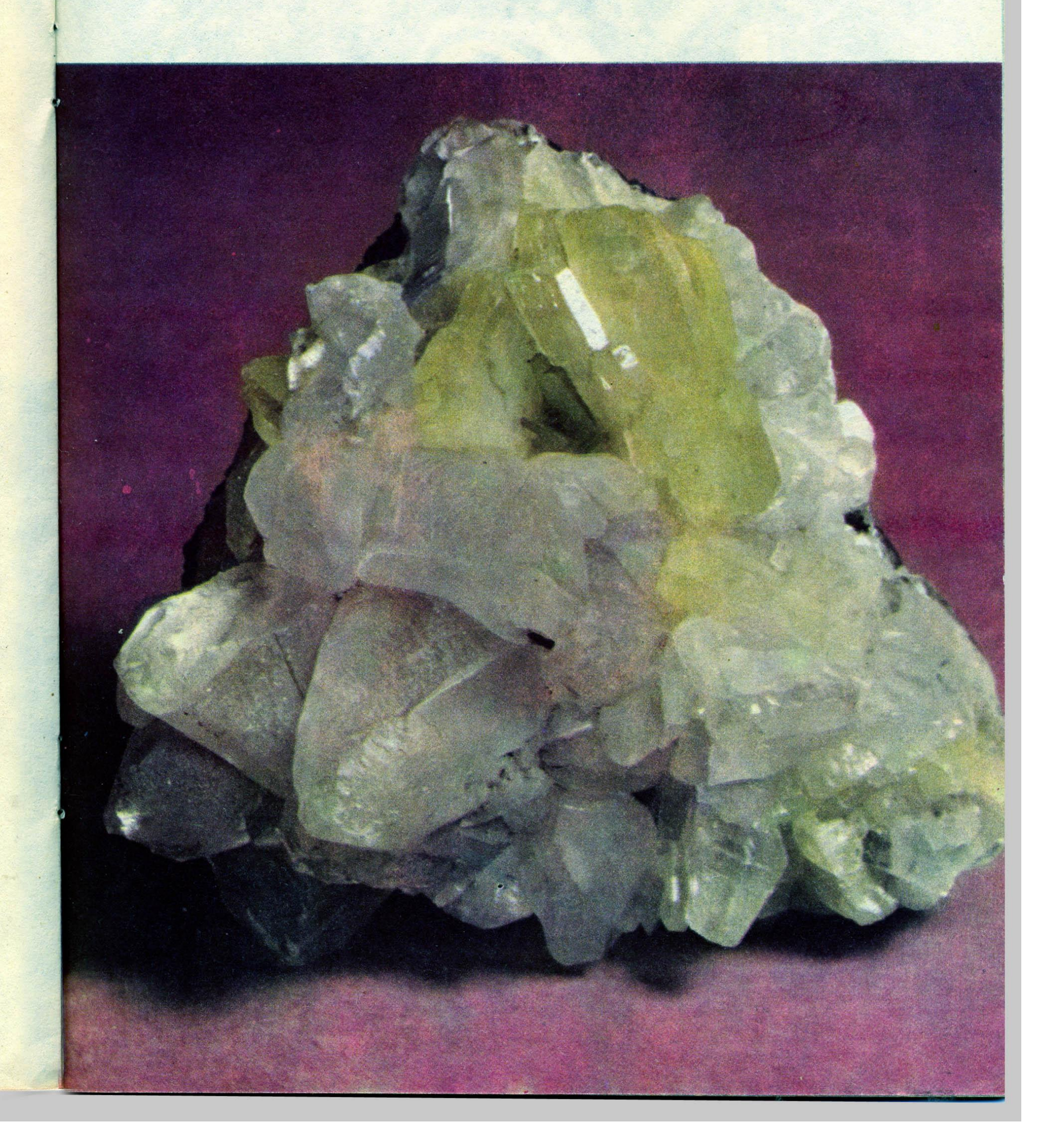
Эти минералы имеют и еще одну особенность — электроны, попавшие в «дырки» решетки, сидят там обычно непрочно, зачастую они устремляются на привычное место — на свои законные электронные уровни. Но при этом они честно возвращают захваченную энергию, испуская световые лучи, — минерал светится, люминесцирует.

«Проверив гармонию алгеброй», познав многие законы цветных камней, человек успешно пытается воссоздать их действие в лаборатории. Искусственные рубины, изумруды, аметисты подчиняются тем же законам, что и природные. Несправедливо и обидно называть их фальшивыми камнями. К ним подходит слово «синтез» — синтетические. Впрочем, есть одна разница — послушно следуя природе, человек слишком старательно исполняет экзерсисы. Природа ошибок не боится. И творения наших рук пока слишком правильны, слишком ярки и красивы, — в них не хватает одного — жизни.

Люди, которых тронула, взволновала красота камня, непременно должны прийти в Минералогический музей имени А. Е. Ферсмана в Москве, где среди всех сокровищ есть и специально подобранная М. А. Смирновой и М. Е. Яковлевой выставка «Цвета минералов». Ребята, живущие далеко от Москвы, могут увидеть замечательные коллекции музея Горного института в Ленинграде, Минералогического музея в Свердловске, в Алма-Ате, в Ильменах, в Хибинах и на многих-многих рудниках, шахтах, копях Советского Союза! Но самые красивые и необычайные камни, конечно, еще покоятся в недрах нашей страны и дожидаются вашего глаза.

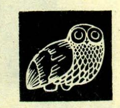
Т. ЗДОРИК,
кандидат геолого-минералогических наук

НОЧНОЙ КОРОЛЬ

У самой вершины сосны, прижавшись к ее стволу, сидит большая птица. Природа выдержала в одних тонах ее оперение и шершавый ствол дерева: у обоих есть что-то желтое, что-то рыжеватое и много темных пятен. Кривая ветка для верности прикрыла птицу легкой тенью, и она стала совсем незаметной. Но ей самой видно все, что делается вокруг. Это филин, самая крупная сова нашей страны.

Ночным королем называют ее люди с фантазией за ночной образ жизни и могучие размеры. Пугач, говорят те, кому приходилось ночью в одиночестве слышать страшный голос филина.

Сейчас птица спит. Тяжелые веки почти совсем закрыли ее огромные янтарные глаза, осталась только узенькая щелочка. Быть может, этот полузакрытый глаз следит за наступлением темноты, пока филин забылся в чутком, настороженном сне. Два темных пучка перьев по бокам головы («ушки») спокойно повисли.

Раздается легкий шорох, на который мало бы кто обратил внимание. Но желтые глаза филина мгновенно открываются, ушные перья поднимаются: филин встревожен. Быстрый поворот головы в сторону потревожившего его звука, столь же быстрый вираж в противоположную сторону. Туловище при этом остается совершенно неподвижным: поворачивается одна голова. Звук не повторился, кругом все спокойно. Веки медленно опускаются на глаза, оставляя сторожевую щелочку, а «ушки» принимают спокойное положение.

Филин не случайно выбрал высокую сосну с кривой вершиной. Отсюда как на ладони видно его гнездо и все, что делается вокруг. Если появится враг, он успеет предупредить самку о грозящей опасности. У сов не принято особенно утруждать себя строительством гнезд. Гнездо можно отнять у какого-нибудь хищника рангом пониже, можно использовать чье-нибудь старое жилище. А если не попадается ничего подходящего, самка вытаптывает небольшое углубление прямо на земле и, устроив скудную подстилку из собственных перьев, считает, что гнездо готово. Правда, такие гнезда филины рискуют устраивать в самых глухих участках леса, вдали от дорог и селений.

Гнездо, о котором идет речь, расположено на противоположной стороне оврага и относится именно к такому типу собственноручных изделий филина. Но над ним, будто раскинув шатер, склонилась скрюченная сосна: она защищает обитателей гнезда от дождя и, вероятно, от солнечных лучей.

Однажды под вечер в гнезде появилось первое белое яйцо, и с этого времени самка принялась прилежно его насиживать. Она сидит почти неподвижно и издали более похожа на обрубок дерева, чем на птицу.

Второе яйцо самка откладывает через два, а то и через три дня. И наконец появляется третье. Тридцать пять дней неотлучно сидит самка на яйцах, и все это время филин приносит ей корм.

Он вспугивает птиц и успевает схватить их на лету. Филин ловит зверей, носясь над самой землей. А иногда, особенно в лунные ночи, он просто летает высоко над лесом неспешным волнистым полетом.

Наступает день, когда появляется первый птенец. Он лежит в гнезде с закрытыми глазами, прижавшись к яйцам. Пока это еще нежный комочек, покрытый серовато-белым пухом. Только свирепо загнутый клюв свидетельствует о его принадлежности к могучему клану хищников. Время от времени птенец поднимает пушистую круглую голову и поводит ею из стороны в сторону. Но потом снова роняет ее на дно гнезда. Через два дня появляется еще один птенец и только из третьего яйца не вылупился никто. У сов это часто случается, потому они особенно не огорчились.

Пока птенцы малы и беспомощны, мать все ночи проводит у гнезда, добычу приносит ей самец, но вообще-то ему больше нравится наблюдать за птенцами издали.

Уже через месяц молодые филины превосходят по размерам хорошую курицу. Теперь за пищей летают обе старые птицы. С наступлением темноты они скрываются в лесу. Где-то в разных участках леса раздается «ньерг, ньерг» охотящейся самки.

Пробудившиеся птенцы бурно выражают чувство голода. Сквозь целый набор шипящих звуков, которые вообще хорошо удаются совам, прорывается требователь-

ное «чииб, чииб». И через некоторое время неподалеку раздается ответное «гре, гре»: самка возвращается с добычей. Вот она опускается на землю, держа за загривок зайца, и, слегка балансируя расправленными крыльями, приближается к гнезду. Ей навстречу выбегают птенцы.

Когда птенцы были совсем маленькими, кормление отнимало у самки особенно много времени: надо было разделить добычу на куски и отдать их птенцам. Птенец, получивший свою порцию первым, не мог тотчас же приступить к трапезе, а должен был защищаться от завистливых нападок брата. Он садился на кусок мяса и отбивался клювом и крыльями. Второй птенец пытался столкнуть его и завладеть куском. При этом оба они издавали на редкость звонкие крики. Относительный мир восстанавливался, когда и второй птенец получал свою порцию.

Когда совята подросли, они уже сами делили добычу, при этом каждый из них был убежден, что лучшая часть досталась сопернику.

Оба они обладали превосходным аппетитом и обычно за день поедали все, что приносила им мать. Но если заяц был особенно велик, часть пищи оставлялась на завтра. Каждый птенец прятал свою долю под себя и обменивался с братом свирепым и недоверчивым взглядом.

Изредка, быть может, в качестве компенсации за неудачную охоту, филин приносил птенцам рыбу. Это им не нравилось: куски недоеденной рыбы долго валялись в гнезде.

Постепенно совята покрывались перьями, но «ушек» у них еще не было. Они появятся только зимой, в декабре или даже в январе.

Гнездо, которое и раньше носило скорее символический характер, теперь не объединяет птенцов. Временами старший куда-то уходит. Но тогда младший, который будто бы не чувствовал к нему особой привязанности, соскучившись, поднимает крик. И через некоторое время старший возвращается домой.

Постепенно совята все дальше отходят от гнезда и друг от друга. Сражения из-за пищи кончились: теперь родители кормят каждого из них в отдельности.

Прошло три месяца. Птенцы уже научились летать совсем как взрослые филины, только изредка задевали широким крылом за ветку. Охотились они теперь самостоятельно. Семья филина распалась.

Когда поздней осенью в лесах раздается таинственное «у-ху», это голоса не только старых птиц: так научились кричать и молодые этого года.

Зима. Филины не улетают из средней полосы. Они охотятся в длинные зимние ночи. Охотятся в лесу, иногда в поле и даже приближаются к человеческому жилью. Однажды в охотничьем азарте филин ворвался в курятник. А в особенно суровые зимы филины залетают и в города. В разные годы А. Н. Формозов и П. П. Смолин видели их в центре Москвы. Филинов заставали в Сокольническом и Измайловском парках.

Февраль. Чуть слышится первое дыхание весны. В это время под покровом ночи начинаются брачные игры этой удивительной птицы. Совы летают в неверном свете луны с тем же упоением, с каким их дневные братья летают в ярких солнечных лучах. И странный крик «у-ху-ху» повторяется глухим лесным эхо.

В тех лесах, где филин может встретить соперника, он выражает свое раздражение трагическим хохотом, дикими взвизгиваниями и щелканьем клюва. И трудно представить себе одинокого путника, который не испугается этих звуков.

И вот над глубоким оврагом с кривой сосной снова появляется пара филинов. Самка вытаптывает гнездо на земле в то время, когда еще не стаял снег. И если ничего не случится в птичьей судьбе, филины будут гнездиться на этом месте еще долгие годы, потому что они живут двадцать пять и даже более лет.

Е. ДЕРИМ-ОГЛУ,
доктор биологических наук

«НА ОХОТУ» Гравюра А. Жабина

— Все ли Почемучки прибыли на эту страницу журнала? Если все, начинаем заседание нашего Клуба.

Как всегда, перед вами я — барон Мюнхгаузен, известный участник и очевидец самых невероятных историй. Уверяю вас, только такой человек, как я, способен дать ответы на тысячи вопросов: отчего? для чего? почему?

В один февральский день я вышел, чтобы вдохнуть морозного воздуха, который вселяет бодрость как ни один из чудодейственных эликсиров. Снег повалил вдруг такими густыми хлопьями, что в одну минуту стало темно, как ночью. Завыла вьюга, засыпала колючим снегом, загудела. Но я все же услышал скрип полозьев и догадался, что подкатили сани. Заржали кони, остановившись как вкопанные. Вьюга тотчас убралась восвояси. Я шагнул вперед и... остановился ошеломленный. Из саней выходила высокая, ослепительно белая женщина в шубе и шапке, запорошенных снегом...

— Неужто сама Снежная королева?

— Вы не ошиблись.

— Молодой человек, а вы кто? И откуда?

— Аль не признал? Емеля я. Из сказки «По щучьему веленью».

— Как же, как же! Даже я, скакавший на полконе, не оседлал, как вы, печку.

— Да не о ней речь. Уж не знаю, как и сказать. Велел это я ведрам по воду сбегать. Скачут назад полнехоньки, а в одном — щука плещется. Ах ты, думаю, незадача, чего поганые натворили. Хвать это я рыбину, да к реке, чтоб, значит, на волю ее отпустить, а она человеческим голосом: «Погоди, Емелюшка, отпускать-то меня. Просьбу нашу рыбью выслушай». Да только и успела вымолвить, из рук моих в прорубь шлепнулась. Чего будем делать, ребятушки?

— Э, не печалься, как говорят у вас в сказках. Дело поправимое. Мы тоже не знаем, о чем просила щука. Но узнать неузнаваемое — главное правило Почемучек. И нам все станет ясно, как только мы выслушаем рассказ Валерия Григорьевича Баркова.

Спасительная прорубь

Дело было к осени. Жил я на острове между Волгой и Ахтубой. Рыбачил. Как-то знакомый колхозный бригадир и говорит:

— Хочешь отвезу тебя в хорошее место? Там чехонь здорово клюет.

Конечно, я согласился. Поехали на остров.

Весной он заливается полой водой, и повсюду остается много больших и малых озер. Проезжали мимо мелкого, заросшего осокой болотца. Над ним чайки вьются. Я, наверное, бы мимо проехал: мало ли чаек летает в низовьях Волги? А бригадир остановил машину и говорит:

— Неспроста это, надо поглядеть.

Подошли, а в болотце кишмя кишат молодые сазанчики-сеголетки.

— Погибнет рыба, надо спасать, — сказал бригадир.

— Почему? Осень уже. Вода ведь не высохнет?

— Высохнуть не высохнет, а вымерзнет — это уж точно.

У меня был подсачек, нашли ведра. До позднего вечера ловили в болоте сазанчиков и перевозили их в Волгу. Так я стал голубым патрулем. Правда, поудить чехонь мне не пришлось, и бригадир опоздал на собрание. Но зато сколько молодых сазанов мы спасли от гибели!

Но то было осенью. А по сезону ли сейчас разговор о делах и заботах голубого патруля? Все озера, пруды и речки подо льдом. И кажется, ни в какой заботе не нуждаются обитатели водоемов. Но это только кажется. К зиме рыбе нужна наша помощь и забота. Все обитающие в воде животные, в том числе и рыбы, дышат растворенным в воде кислородом. Во второй половине зимы количество кислорода в водоемах, особенно закрытых, не проточных, уменьшается. Кислород расходуется на гниение отмерших водных растений, на дыхание животных, а поступать ему неоткуда: все покрыто толстой коркой льда. И рыба начинает задыхаться. Особенно чувствителен к недостатку кислорода судак. Ему нужно не меньше пяти миллиграммов кислорода на один литр воды. Щука, лещ, окунь обходятся тремя с половиной миллиграммами кислорода, карп — двумя с половиной, наиболее выносливы линь и карась.

Когда рыбам недостает кислорода,

они выходят к прорубям, к лункам и ртом хватают воздух. Это уже начало беды. Лучше, конечно, не дожидаясь такого сигнала, заранее определить, достаточно ли в воде кислорода. Нужен анализ воды. Сделать его можно в химической лаборатории или на санэпидстанции.

Чтобы вода обогащалась кислородом, полезно поддерживать на водоеме незамерзающие проруби. Делают это с помощью компрессоров. Но это возможно там, где имеется необходимая аппаратура.

Принесут пользу и простые лунки. В них нужно поставить пучки соломы или камыша. Очень хорошо, если в водоем впадает чистый ручеек. Русло такого ручейка нужно постоянно расчищать от всякого хлама, следить, чтобы его не забило льдом.

Плохо, если в водоем проникнут какие-нибудь неочищенные сточные воды. Зимой они еще опаснее, чем летом.

Бывает, берега речки или озера за зиму замусорят разными нечистотами, рыболовы-подледники могут набросать бумагу, консервные банки. Расстает лед, и мусор очутится на дне.

Вот видите, сколько забот у голубых патрулей. Немало их и весной. В половодье рыба всегда заходит нереститься на разливы, мели. Отложит икру, а полая вода и схлынет. Нередко икринки, а потом и крошечные рыбешки остаются в мелких пересыхающих озерцах, в лужах, отрезанных от реки.

Не поможете малькам, их склюют птицы, или они просто погибнут без воды. Если река близко — стоит прокопать канавки, и рыбешки сами уплывут в речку. А коль река далеко, придется ловить мальков и в чанах, ведрах переправлять в речку.

— Уж кто-кто, а я знаю, что такое добрый верный конь. Многие мои удивительные истории приключались со мной именно тогда, когда я не покидал седла.

Сейчас вы услышите еще одну правдивую историю о боевом коне. Ее расскажет В. П. Петухов.

Когда труба зовет...

В жаркий полдень по пыльному шляху скакал кавалерийский эскадрон. Впереди на огневой кобыле — командир, а рядом, нога в ногу, вышагивал старый вороной жеребец без седока, поводом привязанный к командирскому седлу. Солнце жгло невыносимо. Все изнывали от жары. И только невидимый жаворонок заливался где-то в синеве песней, да без умолку трещали кузнечики.

Дорога стала забирать круто вверх, и вскоре эскадрон достиг перевала. Слева, в лощине, блестела полоска узенького ручья. Вода в нем наверняка прозрачная и холодная до ломоты в зубах. Всех так и потянуло туда.

Но вдруг красноармейцы остановились и замерли. Прямо перед ними лежало необозримое целинное поле, прочерченное жирной черной бороздой, уходящей за горизонт. Запряженные в плуг, медленно брели по полю шесть исхудавших мужиков. Это первые коммунары поднимали пар...

Эскадрон двинулся навстречу пахарям. Командир отвязал повод от седла и протянул одному из мужиков.

— Возьми, отец, коня. Кучум стар, но еще силен и поможет вам. Прощай только ему его норов. Ведь он родился и состарился в кавалерии и не знал другой упряжки, кроме походного седла, не слышал других команд, кроме военных, — прильнул командир к конской гриве и отошел.

Ускакал эскадрон. Прошло пять лет. Коммуна выросла. Старый конь состарился еще больше, стал плохо видеть. Силы его поубавились настолько, что непригоден он теперь стал для любой лошадиной работы. Свободно бродил Кучум по лугам, а иногда ходил и в ночное. Он чаще держался особняком и подолгу стоял неподвижно с опущенной головой и закрытыми глазами. Посмотришь и не поймешь: спит он, отдыхает или думает о чем.

Так и стоял он в тот день, когда в коммуну заскочил кавалерийский отряд. Красноармейцы мигом устроили возле колодца водопой, смеялись, обливались водой.

Пришло время. Горнист заиграл сбор. Кучум задрал морду, задрожал и, заржав, помчался что было силы к водопою. Скакал он напрямик. Ветки кустов секли бока, репейники кололи брюхо, он не замечал этого. А когда перед ним вырос высокий плетень, то, не раздумывая, метнулся через него. Метнулся... и грузное тело повисло на плетне между двумя крепкими кольями. Острые сучки впились в бока. Заржал Кучум, ноздри его широко раздулись, грустные глаза слезились. Увидели эту картину красноармейцы, приподняли коня и поставили на землю. Виновато посмотрел на них Кучум, отряхнулся, рысью рванул с места и через секунду уже стоял в строю среди молодых военных лошадей и улыбающихся красноармейцев. Стоял и чуть дрожащими ногами топал в такт музыки кавалерийского горна старый почти слепой кавалерийский конь.

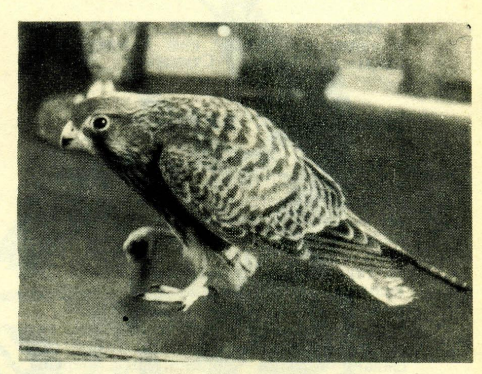
— Кто еще раз хочет убедиться в том, что все сказанное мною здесь чистейшая правда?

Надеюсь, все помнят, что ровно месяц назад я обещал доктору Айболиту множество интересных рассказов о том, кто и как заботится о зверюшках.

Извольте, добрый доктор, послушайте рассказ Константина Николаевича Николаева.

Пустя

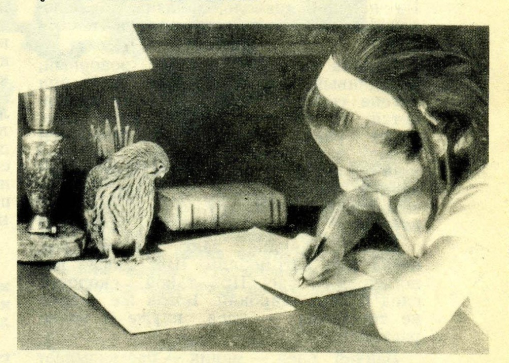

Пустя — маленькая пустельга, которая живет у нас дома. Она совершенно ручная, но характер у нее трудный. Сама она на руку или на плечо садится с удовольствием, но попробуйте только взять ее со спины — она сейчас же до крови царапнет вас своей когтистой лапкой, совсем как злая кошка.

Пустя больше всего любит играть карандашами на столе. Схватит карандаш, подбросит его и снова хватает, пока он катится. И так, пока все карандаши не окажутся на полу.

Очень бывает смешно, когда Пустя смотрится в зеркало. Она разглядывает «незнакомку» с разных сторон, кричит «кли-кли-кли» и сердито топорщит перышки на затылке, забегает сбоку и заглядывает за зеркало: где же прячется эта молчаливая соперница?

Когда дети готовят уроки, Пустя ведет себя тихо. Отлично знает: будет мешать — посадят ее в клетку. А клетку она очень не любит.

— А теперь, друзья мои, прошу вас познакомиться с зайцем.

— Сразу видно, что ты не джинн и даже не волшебник, способный совершить нехитрые чудеса. Запасы твоих чудес иссякли, если ты хочешь удивить людей, показав им зайца!

— Однако, вы зловредный старикашка, Хоттабыч! И всегда отличались нетерпеливым характером. Что касается Почемучек, то они неоднократно имели удовольствие убеждаться в том, что даже самые знакомые растения и всем известные животные вдруг могут оказаться загадочными и непонятными.

Итак, я настаиваю: присмотритесь к зайцу. Поможет нам в этом Александр Николаевич Стрижев.

Про двух зайцев

Взглянем на зайца попристальнее, а не мельком, когда он летит сломя голову. И тогда-то мы заметим, что не все зайцы одинаковы. Одни из них покрупней, у других мохнатые лапы; верх хвоста то черный, то белый. Много таких несходств. Не перечисляя все, скажем: перед нами два братца из семейства заячьих — русак и беляк.

Лес укрывает и кормит беляка, там он по осени гложет осинки, зимой скусывает веточки черники, ивы, березы, а не найдется — погложет кору орешника или дуба. Но древесной пищей не насытишься, вот и наведывается беляк в овсы, на луга. Ускачет из леса, зато поживится и клеверком, и мышиным горошком, и подмаренником, и осоками. Еще как разбирается в травах! На конский щавель, полынь да подорожник и не взглянет: пробежит себе мимо.

Беляка спасают ноги. Проворный, находчивый, он не теряется даже при нагоне собаками. То в сторону вывернется, то обскочит. Если путь перекроет река, беляк смело бросается в воду и сноровисто плывет, положив уши на спину. А видели вы, как бежит заяц с горы? Скорее не бежит, а катится колесом. По-другому нельзя: задние ноги мешают, слишком длинные.

Но по равнине заяц несется как поезд или автомобиль. Шестьдесят километров в час! При такой скорости след беляка широкий. Когда же зверек не торопится — след поуже и более растянут.

Заячий след — малик — рассказывает натуралисту о многих подробностях из жизни косого. Почерк следов, разумеется, лучше всего виден на снегу. Спокойный, кормный след отличается от торопливого — гонного. В погоне беляк оставляет последовательные точки от задних лап и широко расставленные — от передних. На жировом, кормном, пути заяц часто теряет помет: у беляка он сплюснутый орешек и без вытянутого кончика, у русака орешек продолговатый и с кончиком. Когда заяц готовится к лежке, он как бы хитрит, запутывая следы. Вот он прошел вперед, затем ходом в пяту вернулся, или, как говорят, сделал сдвойку, потом прыгнул в сторону — скидка, сметка и залег в ямку головой в сторону следа. Бывает так наследит заяц, что спервоначалу подумаешь о нашествии целой стаи косых, а разберешься — всего один куролесил.

Летом беляк рыжевато-бурый, зимой кроме кончиков ушей — белый. Не такая шубка у русака. Летом он одет в более светлый мех и кажется желтовато-рыжим, с крупной рябью. На зиму русак белеет сильнее с боков, спина темная, ноги в «галифе».

Русак гоняет по открытым просторам: пашням, лугам да кустарникам. В отличие от беляка не боится держаться вблизи деревни, забегает на гумна, в сады, к сенным сараям. Когда нет трав, питается корой клена, ракитника, вяза. Зимой обирает, ошмыгивает ветошь полыни, лебеды, разгребает снег на ржанище, чтобы отведать зелень озимого. По снегу любит проверять сады: не оставили ли без присмотра яблоньку, вишню или сливу. Случается, что и окольцует, погрызет фруктовые саженцы.

Почти безвреден русак на гумне. Покопается в колосках обмолоченной соломы, покормится зернышками да половой — ущерб невелик. Зато риск какой: охотники на засидках поджидают. Выручает зайца луна. Светлой ночью сам заяц почти незаметен, видна лишь тень. Незадачливый стрелок палит по тени и удивляется: трофей пропал. А стронутый «трофей» бросился наутек, попробуй догони. Ловок, изящен, быстр. Русака лишь зрение подводит. Выручают слух да резвые ноги.

— Однако позвольте мне продолжить рассказ о встрече со Снежной королевой. Стоило ей ступить на землю, как снег повалил снова.

— Вам не холодно, барон? — спросила королева. — Садитесь, я укрою вас шубой, и мы взлетим под тучи. Кажется, ни в одной из ваших нелепых выдумок нет рассказа о том, как вы катались верхом на облаках?

Как хорошо, что я отлично помнил эту старую сказку.

— Я всегда знал, что вы холодная и злая, и я отказываюсь даже от столь заманчивого предложения, — ответил я с достоинством.

Снежная королева захохотала, словно посыпались ледяные осколки. Вьюги уродливо замахали космами, завыли, застонали.

— Берегитесь, — пронзила меня ветром королева и высыпала под ноги пригоршню остроконечных льдинок. •

— Поломай голову, упрямец, над моей ледяной головоломкой. И до тех пор, пока ты не сложишь слова из этих осколков, не поймешь, что нужно немедленно сделать, чтобы предотвратить беду в лесу!

— Друзья мои! Эти осколки льдинок перед вами. Я не сомневаюсь, вы сложите из них слова, которые подскажут нам, что делать. Ровно через месяц жду сообщений о том, что вам удалось предпринять.

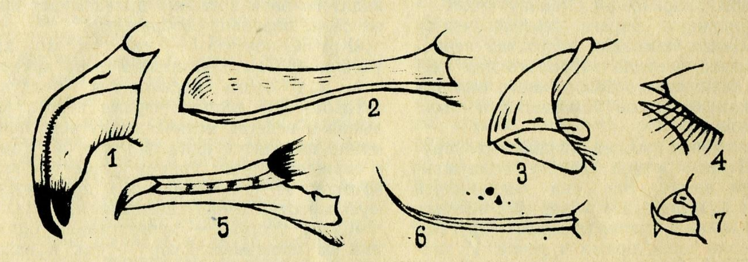

А теперь несколько вопросов из биологической олимпиады:

1. Наши зоологи успешно восстанавливают численность зубров, этих вымирающих древних животных. Их количество у нас исчисляется уже сотнями. А где живут наши зубры, не считая зоопарков, конечно? Перечислите заповедники, в которых разводят этих ценных животных.

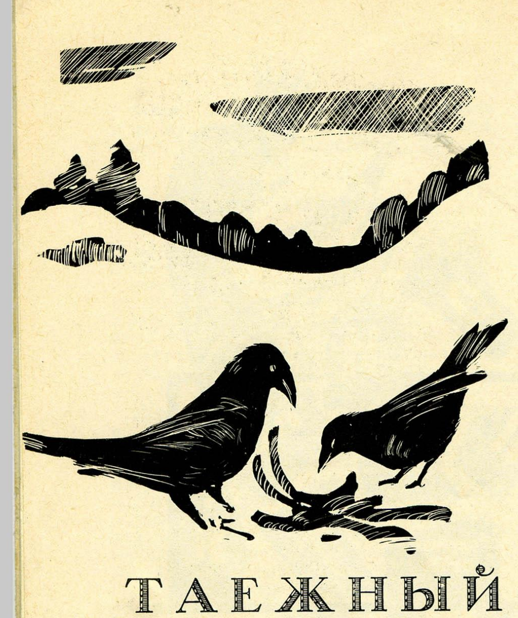
2. В школу принесли животных, пойманных в пруду. Из осторожности, чтобы они за ночь не повредили друг друга, их рассадили по одному в поллитровые банки, в каждую положили по нескольку веточек элодеи и банки до краев наполнили водой. Утром около одной из банок оказалась большая лужа воды, хотя банка по-прежнему была да краев полна. Что произошло?

3. Определите птиц по их клювам.

Члены Клуба Почемучек! На февральском заседании Клуба вы получили два задания.

Напоминаем: задания нужно выполнять как следует и подробно рассказывать об этом в письме.

ТАЕЖНЫЙ САНИТАР

Над опушкой леса в прозрачной синеве носилось несколько больших черных птиц. Подняв суматошный грай и оглашая просторы гортанными криками, они с упоением демонстрировали перед нами свое мастерство. Бочки, пике и прочие фигуры высшего пилотажа, как бы черпая крыльями воздух, выделывали птицы в вышине. На снегу метались их синие тени.

— Это воронье! — пояснил мне мой попутчик, эвен Гаврило. — Поживу чуют!

В придорожном овраге темнели чьи-то останки. Целая компания таких же черноугольных птиц усердно трудилась над костями. На фоне яркого белого снега они выглядели как пихтовые головешки и были отчетливо видны.

При появлении людей пиршество нарушилось. Птицы, бросив трапезу, возмущенно взмыли вверх. Все они соединились с другими и, выламывая в упругих потоках воздуха крылья, спиральными кругами спланировали вниз, прямо к речке. И чинно, шеренгой расселись вдоль дымящей паром полыньи. Занялись туалетом. Сидят, перышко к перышку перебирают, прихорашиваются. Намерзшие седые бакенбарды придают им строгий вид.

— Погреться прилетели! Морозище-то вон какой завернул! — сказал мой молчаливый спутник.

И в самом деле, на стылом ветру было значительно холоднее, чем у воды. Полынья являлась для птиц чем-то вроде печки.

Интересная эта птица — ворон. Вряд ли кто другой из пернатого мира так прочно вошел в фольклор всех народов и времен, как ворон. Он постоянный персонаж и сказок, и легенд, и былин. Он главный участник басен, не обошла его и песня. Народ сложил об этой птице много пословиц и поговорок. Ворон и прорицатель всяких бед, и вещун, он и предвестник смерти.

Но следует сказать, что, несмотря на такую широкую популярность, ворон не является спутником человека. Эта птица — нелюдим, близости человека совершенно не признает. Ворон дик и непримирим и обычно живет в самых глухих и безлюдных местах. Будь то в лесу, или в горах, или же в пустыне. Он неприхотлив. Недаром эту вездесущую птицу в науке назвали убиквистом, то есть птицей, типичной для любого ландшафта.

Вообще ворона нельзя назвать многочисленным. Не часто он попадается на глаза. Но как только где-либо окажется павшее животное — ворон тут как тут. А за ним и другие. Какими путями оповещают они друг друга — неизвестно.

Но факт тот, что в самый кратчайший срок вся округа на десятки километров узнает, где есть пожива, и с утроенной скоростью слетается на пир. И все, что способно весной отравить землю, воздух и воду, птицы уберут. Все косточки так начисто, добела отделают, что хоть скелет в зоологический кабинет монтируй! Всю самую грязную работу по очистке лесов и полей выполняет наш таежный внештатный санитар. И в этом его заслуга.

По весне, когда с юга потянется веселый хоровод пернатых певцов, ворон также поддается общему настроению. Он важно поводит головой и звонко высказывает какие-то свои, вороньи, соображения.

«Круук, круук!» — чуют в его крике украинцы. Так и назвали ворона круком.

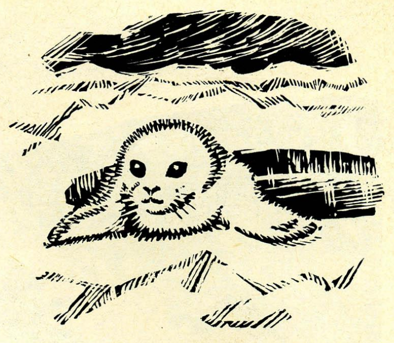
А над лесом справляется воздушная свадьба. Две аспидно-черные птицы, выделывая в небесах всякие выкрутасы, попеременно находятся одна над другой. Каждая с торжествующим криком старается занять потолок. И так, забравшись на недосягаемую высоту, птицы скрываются с глаз.

«Суор, суор!» — прогнусавила одна из них на прощание. Суор — так и назвали ворона в Якутии. По крику.

Весь свой долгий век сохраняют вороны нежную привязанность к своей паре. Дружба их так прочна, что, даже облетая свои угодья, вороны держатся вместе. И ничто не ускользнет от их внимания.

В. ЯХОНТОВ

ТЮЛЕНЕНОК

К концу зимы море штормило почти каждый день. Лед в бухте, на берегу которой стояло зимовье, кое-где надломило штормом, и в нем образовались небольшие расселины.

Маленький тюлененок, глупый и несмышленый, загнанный суровым штормом под лед, долго плутал там во тьме, искал, где бы дохнуть свежим воздухом. И вот наконец нашел расселину, выбрался на лед, осмотрелся, подошел, собрался обратно в море и тут только увидел, что расселины, из которой он вылез, нет. Шторм плотно стиснул лед. Расселина стала маленькой щелкой. Из нее пахло соленой водой, родной стихией, но проход был закрыт. И будь он хоть в три раза тоньше, все равно не пролез бы в эту щелку.

Изо всех сил работая ластами, он пополз туда, где кончался лед бухты и начиналось открытое бурное море.

— Тю-ле-не-нок! Как же ты, милый друг, очутился тут? — услышал он за своей спиной какие-то неведомые ему звуки, но тут же понял, что звуки нестрашные, что существо, стоявшее перед ним, не очень опасное. Он немного успокоился, хотя сердце стучало сильно-сильно.

Зимовщик Петр Вовченко поднял тюлененка на руки, глянул ему в мордочку, улыбнулся, погладил по мокрой спине, качнул на руках туда-сюда, как качают маленьких детей, чтобы успокоить, и сказал:

— Пропадешь ты тут, малыш, собаки или песцы почуют, прибегут с берега, загрызут, только и видели тебя. Давай-ка пойдем к нам, что-нибудь придумаем, поживешь пока...

Петр принес его в избу, чтобы отогреть. Замерз ведь, наверное, на льду-то! Но у раскаленной железной печки тюлененок почувствовал себя плохо: начал крутить головой, фыркать, весь обмяк. Вроде как бы внезапно тяжело заболел.

Петр вынес тюлененка из теплой избы на холод и начал создавать ему подходящие условия. Где-то нашел большую бочку, наполнил ее водой из бухты, для уюта принес несколько больших осколков льда и осторожно опустил тюлененка в воду. Тот, почуяв родную стихию, весело ударил хвостом по воде и сразу же нырнул вглубь. Через минуту он вынырнул, высунул усатую мордочку и недовольно крутнул ею, словно хотел сказать: «Мелко для меня! Как тут жить? Питаться нечем, пропаду!»

— Не пропадешь, поживи пока, а еды я тебе организую, будь спокоен, по тебе будет еда.

Петр часто ловил в бухте корюшку. Он смастерил хитрую удочку. Это была крепкая нить длиной метров восемь. На конце ее были прикреплены острые крючки из иголок, похожие на «кошку», которой достают ведра из колодца. Во время шторма корюшка косяками заходила в бухту, чтоб отдохнуть в тишине. И когда рыбак опускал свою удочку в лунку, рыба стаей набрасывалась на блестящие приманки.

И на этот раз он быстро наловил корюшки и даже создал запас корма для тюлененка.

Так и жил тюлененок в бочке с ледяной водой. Воду Петр часто менял, и тюлененок быстро привык к нему и, кажется, даже начал узнавать. Согласиться с этим было трудно, но Петр уверял всех, что это так.

Тюлененок заметно подрос, округлился и скоро перестал бояться людей, как домашний поросенок.

Апрельские ветры пахнули весной. Лед от берегов отошел, в бухте образовались проталины. Однажды Петр вынес тюлененка на снег подышать, а сам ушел по своим делам. Вернулся через час, смотрит, а тюлененка нет на снегу, глянул в бочку — и там нет.

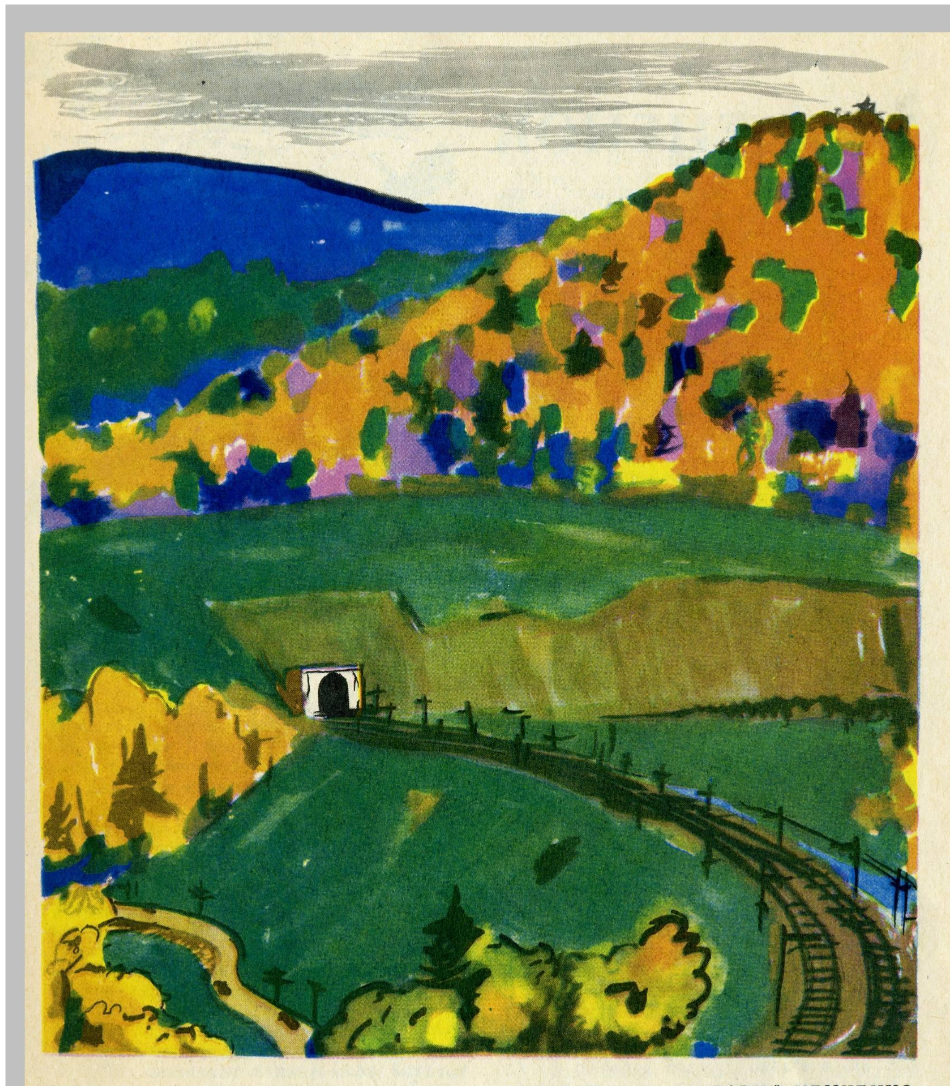
Он обнаружил странный след, который вел к бухте. Пошел по этому следу и уже у самой воды увидел тюлененка.

— Значит, уходить собрался, поросенок ты этакий, покинуть решил меня? И не спросился даже!.. — Петр взял тюлененка на руки, поднес к проталине и опустил в воду.

Тюлененок радостно фыркнул, окунулся и поплыл, покачиваясь на легких волнах.

С. ОСТРОВСКИХ

ГАРИЙ НЕМЧЕНКО

ДИКИЙ ЗВЕРЬ

ПОВЕСТЬ *

Осень была теплая и сухая, с легким морозцем да туманами по утрам, а голубым днем — с ясным солнышком, но все равно или холодным дождям пойти, или упасть да тут же растаять первому снегу — а тогда уж до пасеки на Узунцах доберись попробуй...

В то время еще насидится Егорка Полунин в интернате — до тех пор, пока не проедут к отцу на санях из соседней деревни или не пробьют к нему тропу охотники из города да из поселка.

А пока Егорка ездит домой каждую субботу. После обеда доберется на электричке до тоннеля в тайге, там попросится на машину, которая идет на угольный карьер за рабочими, а на повороте в Медвежий лог спрыгнет, пойдет пешком...

На разлом легче подняться, если попетлять между взлобками, да только у Егорки своя дорога. Ударится прямиком по старой просеке и выйдет наверх около высоченного маяка, который давно еще поставили здесь геологи.

Снимет Егорка совсем отощавший за неделю свой рюкзачишко — это он потом будет полный, когда мама всего насует туда в обратную дорогу, — бросит его внизу, а сам по деревянным перекладинам полезет на маяк, заберется на самую верхнюю его площадку.

Внизу тишина и теплынь, пахнет еще не успевшим подопреть гретым листом да привядшими травами, а на площадке сразу потянет острым холодком, под куртку тебе тут же колючий ветер-верховик заберется.

В какую сторону ни погляди с маяка — всюду лес, всюду тайга.

Ели да пихты стали к осени будто еще зеленей да гуще, топорщатся внизу непроглядным сплошняком, а между ними то порыжелые островки берез, то уже подгоревшие колки осинника; сразу за разломом, поближе к Узунцам, — там больше желтизны да багрянца на длинных изволоках, а между ними пестрят зубчатые курешки пихтача да курчавые купы рослых кедров. Красива ярко крапленная осенью просторная тайга: то светлая до жара под солнцем, то прохладная и темная под синими тенями облаков. Еле заметная дымка уже собирается ближе к вечеру между увалами, сгущается над ними на горизонте в плотную синь, но там, дальше, над синью этой ярким серебром горят снежные вершины гольцов.

Красива осенью раздольная тайга, и сколько бродит в ней всякого зверья, сколько живет всякой птицы!

Там, за Узунцами, в низинке мочаги сплошь истоптаны лосями, которые стадами приходят к роднику пить солоноватую и как будто чуточку притухлую воду. Среди развала лосиных следов то здесь, то там увидишь и копыто поменьше, и совсем крошечное копытце — это от гольцов, приводя за собой росомах, идут сюда и маралы, и дикие козы...

Если пойдешь на мочаги, то, прежде чем дойти до них, по пихтачам около калинничков молодых рябчиков распугаешь — не один выводок. С отавы поднимешь матерого глухаря, который тяжело ударит крыльями, обламывая сухую траву, и залопочет над опушкой, уходя низом. Кругом по тайге белки и бурундуки растаскивают сейчас по дуплам да по норам уже упавшую шишку, медведь нагуливает перед спячкой последний жирок.

И каждому зверю да каждой птахе живется здесь, может быть, не всегда легко, да зато вольно, и каждый в тайге за себя ответчик, и каждый себе хозяин, а всем хозяин — медведь.

А всего за три каких-нибудь десятка километров отсюда, на стройке, в интернате, этот «хозяин» — Миха сидит в железной клетке, и глаза у него такие грустные, что приглядишься хорошенько — и самому плакать хочется, и на морде у него — заеды от помоев, и обидеть его может всякий, кто только захочет.

Никогда раньше Егорка об этом не задумывался, а теперь вот думает всякий раз, как только попадет в осеннюю тайгу... Или это красота вокруг наводит его на такие мысли? Потому что от красоты этой сам становишься заметно добрей, и тебе невольно жаль всякого, кто не может ее увидеть.

Эх, а как хорошо привезти бы Мишана в клетке к этому вот старому маяку, а тут бы выпустить да позвать за собой наверх — лазит-то Мишан, наверное, будь здоров!.. А сверху показать бы ему всю тайгу вокруг: смотри-ка, мол, Мишан, лучше... Где тебе больше нравится? Где нравится — туда и ступай!..

И спустился бы Мишан, в последний раз покивал бы Егорке, в последний раз подставил бы ему лохматую свою большую башку, чтобы тот почесал ему за ухом, а потом и пошел бы на все четыре стороны...

И шел бы он себе, шел, где хотел — сорвал с куста сладкой черемухи, где захотел — водички бы попил родниковой, где захотел — повалялся бы на сухой травке под последним осенним солнышком...

И пусть бы тут ему встретились хоть шофер Конон, хоть тот черный старик из краеведческого музея...

Егорка очень хорошо представлял себе, как где-нибудь на небольшой полянке носом к носу сталкиваются вдруг Мишан и этот старик, и старик перекладывает тросточку из правой руки в левую, приподнимает шляпу и тоненьким голосом говорит:

— Надеюсь, вы знаете, что вы нам — н-ну просто необходимы для экспозиции э-э в диораме?.. Правда, вид у вас пока, прямо скажем, неважный, шкура вон э-э местами совсем голая, но это ничего, мы подождем, пока вы перелиняете — так что пока еще э-э погуляйте!..

Этот старик примерно так и говорил Пет-

* Продолжение. Начало см. в № 1

ру Васильичу, рассматривая медведя: нам, мол, все равно ждать, пока у него новый мех вырастет, а вы за это время еще раз хорошенько подумайте...

И Петр Васильич сказал: ладно, мол, подумаем хорошенько еще раз... Неужели все-таки отдаст?

Эх, знать бы! И почему, когда два года назад Петр Васильич предложил Мишку выпустить, он, Егорка, закричал первый: нет-ка!.. Пусть в интернате поживет!..

Не знал тогда, конечно, Егорка, что тут будет у медведя за жизнь...

В начале недели как-то вечером всей школой работали в интернатском саду... Петр Васильич да преподаватель по труду, да еще несколько учителей подрезали малину, а ребята ходили между рядков, подбирали обрезанные стебли, стаскивали их в одну кучу на краю сада.

В это время они и услышали, как за школой медведь заревел — сначала вроде негромко, а потом все сильней да сильней.

Петр Васильич приподнялся между рядками малины, сказал:

— А ну-ка, Егор, пробежи... Неужели опять кто дразнит?

Егорка побежал.

Как только выскочил из-за угла школы, увидал около клетки шофера Конона с дружками. Они стояли, ткнувшись лицами в металлическую сетку, а сам Конон протягивал через дыру большую эмалированную чашку, доверху наполненную арбузными корками.

— Ну ты, тайга, хошь арбузика? — спрашивал Конон, помахивая чашкой. — Скажи-ка нам, хошь?..

— И чего ревет-то, в сам деле? — нарочно удивлялись дружки.

— А ну-ка достань! — и Конон поставил чашку на пол поодаль от клетки.

Медведь проворно лег боком, до плеча просовывая лапу между прутьями, поцарапал черными когтями около чашки пол, но до нее не достал... Ловко перевернулся на другой бок и просунул за чашкой другую лапу.

— Он думает, левая у него длиннее!

— Вот ума, а?

— Нет, ты гляди, ты гляди — опять не хватает!

А медведь ощерился, глухо рыча, шерсть на загривке у него поднялась дыбом, и вдруг он вскинул головой, рывками открывая пасть, словно позевывая, и тяжело заревел. Глаза его теперь яростно горели, мокрые зубы блестели, а красная раскрытая пасть все подрагивала судорожно, и из нее, как стон, рвался тяжело булькающий хрип — теперь он как будто захлебывался от злости...

Егорка чуть не заплакал от жалости и от обиды за Мишку.

Прошмыгнул он под рукой у Конона, схватил чашку и веером швырнул корки на улицу...

— Ты что делаешь, что делаешь? — заорал Конон. — Я зверю хочу, а он!..

Егорка поставил пустую чашку на траву.

— Нужны ему ваши объедки!

— Что это ты больно много воображать стал, а? — спросил Конон. — А что, если я отцу дневник отвезу?

Егорка тоже озлился:

— Ну и везите! Что я его, сам дома не показываю? У меня там оценки хорошие...

— Хорошие-нехорошие, а сказать пару слов всегда можно.

Один из дружков Конона вдруг прищурился:

— Постой-ка! Да это же тот парень, что лампочку вот эту разбил. Где его, думаю, видел? А это он!

— Твоя, выходит, работа? — спросил Конон, показывая на металлическую тарелку фонаря с пустым патроном, висевшую на деревянном столбе над клеткой.

Егорка увидал, как из-за угла школы вышел Петр Васильич, и только вздохнул.

— Хулиганов, понимаешь, растим! — сказал тот, который узнал Егорку. — Вот ты, Виктор Михалыч, директору все и расскажи сейчас, как он лампочку эту... А я гляжу, метится стоит, а потом — др-рынь!

— А чего там директору, — сказал Конон. — Я вот на этой неделе к отцу его поеду на пасеку — Петр Васильич медку на интернат выписал... Вот там я и скажу. — И покачал головой. — Молодежь!..

Петру Васильичу он, и верно, ничего тогда про лампочку не сказал, а вот наябедничал ли отцу? Ездить-то он на Узунцы ездил, вон даже гостинец от мамы Егору привез — большой пирог из щуки.

Хорошо, если не наябедничал: за что, за что, а за поведение в интернате спрашивает отец по всей строгости... И как ему объяснишь, что затем Егор и разбил эту лампочку, чтобы Конон не подходил к медведю, когда идет с дружками из гаража поздно вечером, не дразнил бы его своими кусками?..

Обо всем этом думал Егорка Полунин, когда с тощим своим рюкзачком, в котором лежали только дневник да еще коечто по мелочи, шел он по осеннему лесу на пасеку в Узунцы.

Сначала мама хорошенько покормила Егорку, а потом он вышел во двор.

Здесь, недалеко от сараев, под большим чаном, в котором клокотало желтое варево, жарко горел костер, плотно подрагивал над ним гретый воздух, горячо пахло смольем и топленым воском.

Рядом отец закладывал старую вощину во второй чан.

— Помочь тебе, па? — спросил у него Егорка.

Снизу от ручья потянул ветерок, костер затрещал, на отца понесло дымком, и он только покачал головой, прищуриваясь, потом оставил вощину, достал из кармана куртки папиросы, поднял от костра головешку и прикурил.

— Не забыть — пока вспомнил. Ты мне вот что скажи... Касатки уже улетели из города?..

— А я в городе не был...

— Из поселка из вашего — все едино...

Егорка пожал плечами:

— Не знаю.

— Эх ты! — насмешливо укорил отец. — Чай, не городской цветок, таежный житель — все примечать должен. У нас-то пока — смотри...

Егорка посмотрел, куда показал отец, и там, на сарае, увидел сидящих рядышком на коньке ласточек. Здесь, внизу, уже легли холодные вечерние тени, а на конек все еще падали последние лучи уходящего за островерхие пихты раскаленного солнца, и маленькие крутые грудки у птах ярко белели, и темно-синим отсвечивали тугие крылышки, но сидели они как будто прижухнув, как будто зябли.

Егорка вспомнил: в конце лета у ласточек появился второй выводок. Отец тогда еще удивлялся, говорил, что это, наверное, к хорошей осени — к погожей и долгой.

— Это молодые?

— Ага, — подтвердил отец, — меньшенькие. Вот мне что и узнать: или только у нас они, или и в городе есть?

— Я теперь присмотрюсь, — пообещал Егорка.

Отец попросил, как равного:

— Присмотрись. Будет им с кем улететь-то или уже и не с кем? А то я их ночью выловлю, да в избу — не пропадать же! Вон какие красавицы...

— Красивые, — согласился Егорка.

Отец покачал головой — будто сам заранее удивлялся тому, о чем сказать хочет.

— А в городе ровно глаз нету: до того народ нелюбопытный да неприметливый. Вот и Виктор Михалыч-то ваш приезжал на машине. Спрашиваю у него: есть, нету ли? «Не-е, — говорит, — не видал». Да как же? Ты же охотник!

На пороге мама показалась, за ней бабушка вывела трехлетнего братишку Егорки, и тот сразу у порога уже что-то нашел на земле, сразу нагнулся, а мама, проходя мимо, одернула ему на спине пальтишко, потом бабушка следом за ней тоже дернула, и обе они подошли к костру, стали рядом с отцом да с Егоркой.

Егорка все поглядывал то на отца, то на маму с бабушкой, угадать пытался: наябедничал на него Конон или нет?

Наверное, все-таки нет, вон как хорошо да мирно все с ним, с Егоркой, разговаривают.

Отец снова покачал головой, удивляясь:

— Тоже вот охотник-то, Виктор Михалыч. Шкуру, говорит, в музей, а салом мишкиным лечиться стану. А подумать: какое в том сале будет леченье, если медведь лесу-то, почитай, и не видел, если он всю жизнь — на обыкновенных столовских харчах? Вот ты, Егорша, таежный житель, ты и скажи: будет польза от такого сала или не будет?

Егорка плечами пожал.

— Наверно, не будет.

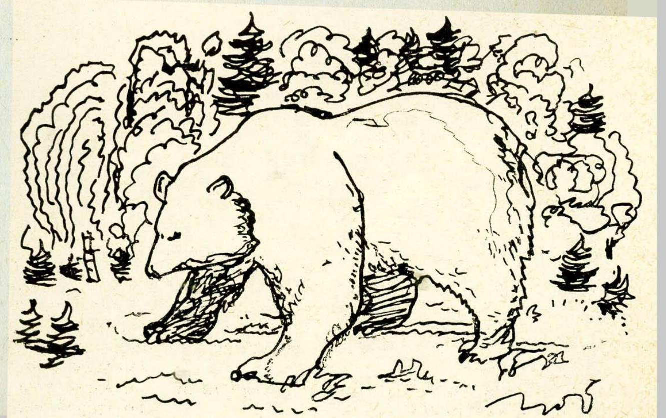
— Не наверно, — поправил отец, — а точно.

Тут надо, пожалуй, объяснить, почему это медвежье сало ценится пуще другого лекарства.

Чем, скажите, медведь питается?

А питается он кедровой шишкой да ягодой, корешками питается да травами, не всякими тебе — а на выбор, а выбирает все то, что и нам идет на снадобье — будь здоров. Вот так оно и выходит: то, что мы с вами в аптеке берем, то медведь без всякого тебе рецепта в тайге собирает, и то, что нам на хрупких медицинских весах по миллиграммам отвешивают, медведь большущей своей лапой с куста гребет — и в рот, и в рот!

Вот почему он такой здоровый да крепкий, вот почему он в тайге хозяин. Вот от-

чего, если вдруг погибнет медведь от охотничьей пули — вольная его сила да таежное здоровье будут потом долго еще жить в тех, кто в них очень нуждался, — спасибо за это медведю!

А если бы целебный жир копился от колбасы, от сладких булочек да шоколадных конфет — пришлось бы тогда его занимать у одного моего знакомого второклассника, который вынимает конфету изо рта только по дороге к школьной доске.

Спать Егорка в этот вечер лег рано.

Во-первых, ходьба его намаяла, а другое — собирался встать завтра пораньше, чтобы на зорьке побродить по лесу, поманить на свистульку рябчика.

Он уже засыпать начал, когда мама присела на краешек постели, наклонилась над ним, тихонько зашептала:

— Виктор-то Михалыч говорит, баловаться ты стал, а, Егорка?.. Старших, говорит, не слушает. Лампочку там какую-то разбил. «Я, — говорит, — зайду иной раз дневник у него проверить, а он, — говорит, — словно грубиян какой».

Вот Конон — никогда ведь не заходил!

Егорка зашевелился, пробуя привстать, а мама легонько придавила его ладошкой.

— Ты лежи, лежи. Ну, отец-то не очень. На той неделе решил собраться да съездить, так что ты уж смотри! Ты уж там и на уроках хорошо, и так со старшими повежливее да с лаской.

И тут Егорка с благодарностью об отце подумал: хорошо, что папка Конону не очень-то верит, что наговоры на Егорку не очень слушает. Он-то, папка, вообще Конона за хвастовство недолюбливает, это точно.

Егорка припомнил, как прошлой зимой Петр Васильич купил лицензию на лося, и вместе с Кононом да еще с одним охотником из поселка приехали они в Узунцы на неделю — почти на все зимние каникулы.

И вот однажды вечером вернулись уже из тайги и отец с Петром Васильичем, и третий охотник, а Конона все нету и нету.

А потом вдруг вбегает он в избу, глаза у него горят, весь трясется:

— Айда, — кричит, — за мной: подстрелил!..

И Петр Васильич, и тот, третий, засуетились, а отец спокойно так говорит:

— Ты хоть бы ухо принес, что ли... Чтоб веселее шлось.

А Конон бьет себя в грудь, петухом кричит:

— Мне не веришь?

Отец плечами пожал, говорит:

— Ну, пошли...

И Егорка тоже на лыжи стал, побежал следом.

По изволоку поднялись они на некрутой разлом — тут недалечко, — и там Конон прибавил ходу. Подбежал потом к глубоченным лосиным следам, кричит:

— Видишь, какой был бычина?

Отец говорит:

— Почему — был?

А сам вроде смеется.

Конон хмыкнул: ну, погоди, мол.

Пошли по следам дальше, он все первый бежит, потом оборачивается, кричит, довольный:

— Ну, теперь понятно, почему — был? Смотри!

И Егорка тоже увидал на белом снегу и большое кровавое пятно, и красные брызги поменьше, и дальше по следам — капли.

Отец усмехнулся и спрашивает:

— Так ты откуда стрелял?

— Во-он от сухой березки, — Конон показывает. — А бык стоял тут, около калины.

— Да-а, — смеется отец. — Тут-то и промахнуться негде. Мог бы, конечно, и попасть.

Обиделся Конон:

— Что ты хочешь сказать, Андреич?

Отец говорит:

— А то хочу сказать, что не дал ты зверю хорошенько поужинать. Он вот стоял себе у куста, калинку мороженую пожевывал. Набрал полон рот, а тут Виктор Михалыч Кононов ба-бах! Зверь думает: связываться — у него ружье. Еще случайно застрелит. Убегу-ка, думает, от греха. Калинку-то выплюнул — и тягу!

— Да ты что, Андреич!

Снял отец варежку, сгреб со снега в ладошку красные сгустки, потом протягивает: пожалуйста!

Было-то потом смеху!

Вечером, когда обижаться на шутки уже перестал, Конон сказал:

— Конечно, поторопился я — не прицелился... Да тут меня, знаешь, как затрясло, когда увидал — лось же!

А отец наклонился к нему, тихонечко спрашивает:

— А если медведь?

«А если и вправду медведь?» — думает теперь, засыпая Егорка...

И ему уже другое видится: как бредет по тайге отпущенный на вольную волю Миха... Как на маленькой поляночке носом к носу сталкивается он с Кононом, а тот вроде бы берет его за загривок и спокойно так говорит: «Что, боишься меня, тайга?.. Ты Виктор Михалыча Кононова бойся!..»

(Окончание в следующем номере)

ДЖ. ДАРРЕЛЛ

БУХТА СРЕДИ ОЛИВ

Если от нашего дома спуститься через оливковые рощи вниз по холму и выйти на дорогу, покрытую толстым слоем белой, мягкой, как шелк, пыли, а потом пройти по ней еще немного, вы попадете на крутую козью тропку, сбегающую сквозь заросли олив к маленькой бухточке в форме полумесяца, окаймленной белым песчаным пляжем и грудами сухих бурых водорослей, выброшенных сюда во время зимних штормов и теперь похожих на большие растрепанные гнезда птиц. С двух сторон в бухте поднимаются мелкие скалы, и там, среди скал, видимо-невидимо всякой морской живности.

Около берега, у подножий скал, можно разыскать маленьких крабиков или пурпурных актиний — настоящие подушечки для булавок, расшитые алым и голубым бисером. Иногда на скале виднеется большая черная губка с открытыми высокими устьицами, похожими на конусы вулканов. У берега и между скалами я собирал новые раковины для своей коллекции, и мне доставляла удовольствие не только их красивая форма, но и необычайно выразительные названия. Я узнал, например, что остроконечная раковина вроде крупного береговичка, у которой один край вытянут наподобие полуперепончатых пальцев, называлась «нога пеликана», а белая, почти круглая, коническая раковина блюдечком, сходная по форме с улиткой, носила название «китайская шляпа».

В то время у меня еще не было аквариума, поэтому в одном уголке бухты я отгородил камнями заводь, футов восемь в длину и четыре в ширину, где мог держать всю свою разнообразную добычу, почти в полной уверенности, что найду ее там и на следующий день.

Именно в этой бухточке мне удалось поймать своего первого краба-паука. Я наверняка прошел бы мимо него, вообразив, что это покрытый водорослями камень, если бы краб не сделал неосторожного движения. И по величине, и по форме тело его напоминало небольшую плоскую грушу с шипами на верхнем, суженном конце и двумя выступами над глазами вроде рогов. Ноги и клешни у него были очень тонкие и длинные, но больше всего я удивился тому, что вся спина краба и ноги были густо усеяны мелкими морскими водорослями, будто они росли у него из скорлупы. Меня очаровало это необыкновенное создание, я поднял его и торжественно понес в свою заводь. Держать его надо было очень крепко, так как он уже сообразил, что в нем распознали краба, и отчаянно пытался убежать. Поэтому, когда мы добрались до заводи, почти все водоросли с него были посодраны. Я посадил краба на мелком месте и, растянувшись на животе, стал следить сквозь прозрачную воду, что он будет делать дальше. Краб поднялся на своих высоких ногах, словно паук в погоне за жертвой, отбежал примерно на фут от того места, где я его посадил, и застыл как неживой. Так он просидел довольно долго. Я уже решил, что он будет сидеть неподвижно всю первую половину дня, пока не оправится от пережитого потрясения, но краб вдруг вытянул тонкую, длинную клешню и очень деликатно, почти застенчиво сорвал кусочек водоросли с ближайшего камня, поднес ко рту и стал жевать. Я думал, он ест ее, но это было вовсе не так. С угловатой грацией краб занес клешню за спину, осторожно нащупал местечко и прикрепил туда кусочек водоросли. Очевидно, он смочил основание водоросли слюной или каким-то сходным веществом, чтобы можно было прилепить ее к щитку. Я продолжал наблюдать за ним, а он медленно колесил по всей заводи и с усердием ученого-ботаника собирал разнообразные водоросли. Примерно через час спина его покрылась таким густым слоем растительности, что, если бы я на минуту отвел глаза, а краб застыл бы на месте, мне не сразу удалось бы определить, где он находится.

Заинтригованный таким хитроумным камуфляжем, я тщательно обыскал весь залив, нашел еще одного паука-краба и отгородил для него особый маленький бассейн с песчаным дном, где не было и признаков водорослей. Когда я посадил туда краба, вид у него был вполне довольный. На следующий день я принес из дому щеточку для ногтей и, схватив несчастного краба, стал немилосердно скрести, пока ни на спине, ни на ногах у него не осталось и следа водорослей. Потом я набросал в его запруду всякой всячины (раковинок, волчков, кусочков коралла, миниатюрных актиний, мелких осколков бутылочного стекла, превращенных морем в невиданные драгоценности) и, присев рядом, стал наблюдать.

Несколько минут краб сидел не шелохнувшись — видно, приходил в себя после той унизительной чистки, какую я ему учинил. Затем, как бы не в состоянии до конца поверить в постигшую его злую участь, поднял обе клешни над головой и очень осторожно потрогал спину. Знать, вопреки всякой очевидности надеялся найти там хоть веточку водорослей. Однако я хорошо справился со своим делом, и спина у краба была совершенно гладкая и блестящая. Краб сделал несколько неуверенных шагов, остановился и с полчаса просидел в мрачном унынии, но потом все же преодолел свою подавленность и подошел к краю бассейна, пробуя протиснуться под темные камни ограды. Там он и остался сидеть, предаваясь грустным мыслям об исчезнувшей маскировке, а мне подоспело время возвращаться домой.

На следующее утро я пришел к заливу очень рано и, к своему восторгу, увидел, что в мое отсутствие краб времени даром не терял. Стараясь не поддаваться отчаянию, он украсил свой щиток всем тем добром, что я для него оставил. Вид у него стал очень потешный, точно он оделся для карнавала. На спине вперемежку с обломками коралла торчали расписные раковины волчков, а ближе к голове была прикреплена актиния — прямо-

таки шикарная шляпка с лентами. Я наблюдал, как краб ползает по песчаному дну, и думал, что теперь он стал слишком уж бросаться в глаза, но вот он подполз к облюбованному им уже местечку под скалой и, к моему удивлению, превратился просто в кучку раковин и коралловых обломков с парочкой актиний на верхушке.

Однажды я пришел на берег как раз в то время, когда вытаскивали невод. Загорелые рыбаки тянули за мокрые веревки, с силой упираясь в песок босыми ногами, и все ближе подводили тяжелые сети к берегу.

Я присел на песок и стал терпеливо ждать. Когда вся съедобная часть улова была благополучно разложена по корзинам, наступил мой черед. На дне сетей всегда оставалась большая куча камней и морских водорослей, вот там-то и были мои трофеи.

В большой куче водорослей был обычный ассортимент мелких кальмарчиков, морских игл, крабов-пауков и разных рыбок, которые, несмотря на свои малые размеры, не смогли проскользнуть сквозь ячейки сети. И вдруг... Я поглядел и глазам не поверил: из спутанного клубка водорослей торчал морской конек. Буро-зеленый, очень складный, удивительно похожий на шахматную фигурку, он лежал и хватал воздух своим открытым, сильно выступавшим вперед ртом. Хвост его судорожно скручивался и раскручивался. Я в один миг сгреб его и опустил в банку с морской водой. Убедившись, что с коньком все в порядке, я снова начал рыться в водорослях с лихорадочным волнением золотоискателя, промывающего песок со дна реки, где он нашел самородок. Усердие мое было вознаграждено, и через несколько минут в банке у меня уже сидели шесть коньков разной величины.

Дома я бесцеремонно выдворил из аквариума живших там четырнадцать веретениц и предназначил его для своих новых питомцев. Я схватил аквариум и пошел к морю. Вымыл там его как следует, насыпал на дно песку и быстро вернулся домой, а потом еще три раза бегал к морю с ведрами, чтобы наполнить аквариум водой. Как только коньки шлепнулись из банки в аквариум, они моментально расправились, а потом, словно табунчик выпущенных на волю пони, закружились около раскидистой веточки оливы, которую я укрепил в песке на дне аквариума. Плавнички их двигались так быстро, что их было совсем не видно. Казалось, будто каждый конек движется с помощью какого-то внутреннего моторчика. Обозрев свои новые владения, все коньки собрались у ветки оливы, зацепились за нее хвостами и с серьезным видом застыли на месте.

У одного из коньков, очевидно старого, так как он почти весь почернел, было очень большое брюшко. Я приписывал это только возрасту. Но вот как-то утром мне бросилась в глаза полоска на его брюшке, будто проведенная лезвием бритвы. Я стал следить за ним, пытаясь узнать, не было ли драки между морскими коньками, а если была, то что они использовали в качестве оружия (ведь на вид коньки были такие беспомощные), но тут, к моему величайшему изумлению, разрез этот расширился, и оттуда выскочил крохотный морской конечек. Я едва мог поверить своим глазам. Как только этот малыш чуть отплыл в сторону и повис в прозрачной воде, из брюшка появился другой, за ним еще один, потом еще и еще, и вот уже двадцать микроскопических коньков крутились, как облачка дыма, около своей гигантской мамы. Испугавшись, как бы другие взрослые коньки не съели малюток, я поставил другой аквариум и отсадил туда, как мне представлялось, мамашу и ее отпрысков. Наполнять свежей водой два аквариума было еще труднее, чувствовал я себя как загнанная лошадь, однако решил держаться до четверга, когда приедет Теодор и можно будет показать ему свои сокровища.

— Ага, — сказал Теодор, с профессиональным любопытством заглядывая в аквариум. — Это в самом деле интересно. Судя по литературе, морские коньки, конечно, должны быть в этих местах, но сам я... никогда их здесь раньше не видел.

Я показал Теодору другой аквариум, где плавала мамаша со стайкой малышей.

— Нет, нет, — сказал Теодор. — Это не мать, это отец.

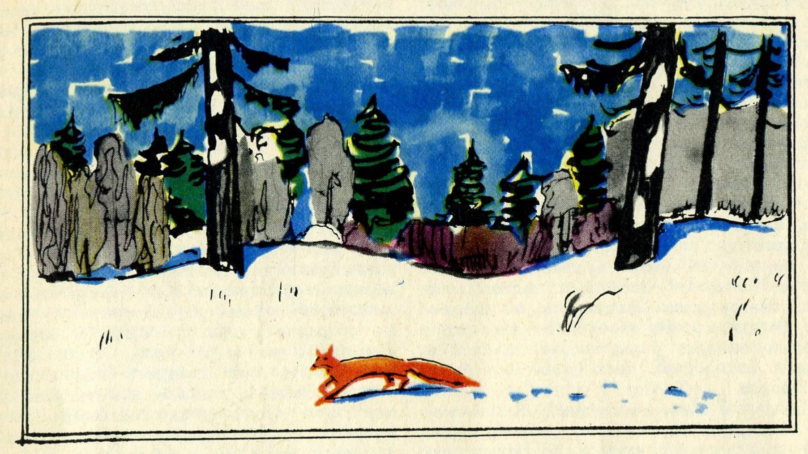
Сначала я подумал, что Теодор просто разыгрывает меня, но он объяснил, как все происходит на самом деле. Когда самка вымечет икру, самец забирает икринки в свою специальную выводковую камеру, и они там у него развиваются.

Скоро мне стало совсем не по силам держать «конюшню» с морскими коньками и снабжать их свежей водой и запасами пищи (микроскопическими морскими животными). С величайшим сожалением я вынужден был выпустить их на волю.

Перевела с английского
Л. Деревянкина

УДАЧНОЙ ОХОТЫ,

РЫЖИЙ!

С одной стороны — плотная, с таинственными провалами темноты зеленая стена старого ельника, с другой — головокружительное мелькание косых утренних лучей в золотистом частоколе мачтовых сосен. Навстречу несется желтоватая извилистая лента лесного грейдера. Неожиданно автобус вырывается на простор. Теперь он уже не мчится, а как бы плывет по широкому лугу.

Вдали, за кустами, просвечивает зеркальная гладь озера. К небу тянется легкая ниточка дыма — рыбак ли после хорошей зорьки готовит свой немудреный завтрак, туристы ли заварили походную кашу, а может быть, и еще кто-то. Ближе к дороге на припеке дремлет пестрая дворняга, поодаль, над самым берегом озера, в феерическом сиянии утренней дымки из травы торчит еще одна собачья голова. Словно рыжее изваяние, она отчетливо вырисовывается на фоне густых прибрежных зарослей ольхи и ивы. Ни дать ни взять сидит пес и любуется стремительным бегом автобуса, заодно наслаждаясь бодрящей свежестью наступающего дня.

Чудится только, что голова-то похожа на... лисью. Однако не слишком ли: тут и люди, и машина, и, главное, собака.

Показываю соседу, с виду местному жителю:

— Важно сидит-то как!

— Боярин и есть, — мельком взглянув, равнодушно отзывается тот. — В хорошую погоду любит встречать первый автобус.

Все-таки лиса! И не погостить забежала, а оказывается, живет здесь. Впрочем, почему бы и не жить? Охота на зверя в этих местах запрещена. Пастухи, рыбаки, собаки? Каждый занят своим делом, давно уже привыкли друг к другу.

Правда, поначалу, рассказывают, Боярин частенько крутился возле совхозного птичника, да, видно, понял в конце концов, что огорожен птичник как раз той самой сеткой, которую ему никогда не преодолеть.

Собаки, конечно, пытались было гонять Боярина, да толку-то! Место для жилья он выбрал верное — один из берегов озера. Напротив чистый сосновый бор крутым уклоном падает к воде. А с этого берега — непроходимые заросли ивняка вперемежку со старыми елями. Самая кромка, низкая и торфянистая, так исхлестана волнами, что под корнями получилось множество всяких ходов-лабиринтов. Пойди-ка выкури оттуда сообразительного поселенца! Может быть, не очень комфортабельно, зато надежно.

Совсем недавно мне снова удалось побывать в тех краях. Зима. Теперь все по-другому тут. И небо синее, и солнышко ослепительнее, чем летом, и воздух сухой и колючий.

По чьей-то припорошенной лыжне выхожу со стороны бора на лобастый берег озера. Внизу пустынно и монотонно, даже не разберешь, где озеро, а где луговина. И всего два цвета: белый и серо-черный. Оттого, наверное, в глаза сразу бросается рыжее пятно за кустами, утонувшими в пухлых сугробах. Дубок, не сбросивший листву на зиму, чему же еще быть?

И в тот же миг «дубок» сделал вдруг грациозную стойку, затем с размаху бросился в снег и торопливо принялся раскапывать его.

Не Боярин ли мышкует? А почему бы и не он? Здесь его законные охотничьи угодья. Впрочем, он не он, все равно как старому знакомому кричу:

— Привет, Боярин!

Как бы не так! В черных елях, съедая начало слов, кто-то передразнивает: «...е-е-т... и-ин-н!» Боярин же ноль внимания. Ах вот как! Задаешься, значит. Сейчас ты, рыжий, попадешь за это дело на пленку. По такому пышному снегу далеко не уйдешь от меня.

Скатываюсь вниз по лыжне, быстро огибаю с подветренной стороны непроходимый массив кустарников. Увы, чужая лыжня неожиданно отворачивает влево, а мне надо вправо. По целине же на узких беговых лыжах особенно-то не разбежишься.

Боярин, понятно, ждать не стал. Иду по его свежему глубокому следу. Пересекаю поляну и часть озера. Поднимаюсь по крутому склону и выхожу на... собственную лыжню, где был минут пять назад.

Ну и бродяга! Ему, оказывается, тоже не нравится глубокий снег. Любопытно, а где сам Боярин? След его уходит вниз по блестящей на солнце лыжне. Кстати, вон и сам, любуйтесь, пожалуйста: сидит собственной персоной спиной ко мне там, где мышковал.

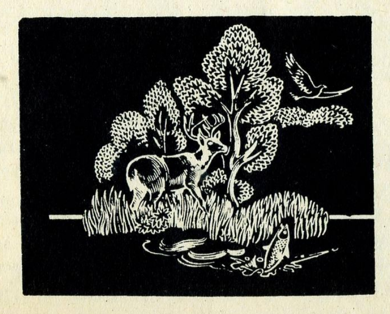
Задетый за живое, бросаюсь снова в погоню. Боярин оглядывается и не спеша исчезает за кустами. Огибаю куртину — его, конечно, уже нет. Смотрю на гору — так и есть, сидит наверху, на лыжне. Как могу тороплюсь наверх. Пока поднимался, Боярин опять удрал вниз. Здесь же не только сидел, но успел еще и поваляться на лыжне.

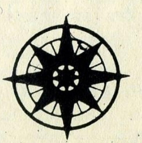
М-да-а... Как же все-таки быть? Расстояние в двести-триста метров Боярин сокращать не желает, снимать же без телевика с обычным объективом совершенно бессмысленно. Ладно, попытаюсь-ка еще раз догнать его на спуске. Бросаюсь вниз... Увы, пустая гонка по кругу повторяется опять.

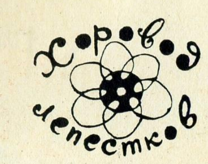
Не знаю, то ли понравилась Боярину такая игра, то ли зверь решил проучить человека, отстаивая право на свой участок, но рыжий решительно отказывался отсюда уходить. Что же, пусть так и будет. Я все равно не в обиде на Боярина. Его ведь, как и волка, ноги кормят. По той же причине и шуба пока цела. Удачной охоты, рыжий!

Б. ТИМОФЕЕВ

Знаменитое растение циперус! Древние египтяне изготовляли из его стеблей писчий материал — папирус. Использовали стебли и для плетения корзин, циновок, лодок.

Правда, в комнатах больше распространен циперус родом с острова Мадагаскар. Он не такой высокий. Циперус — болотное растение, он поглощает много воды, поэтому весной и летом цветок полезно поставить в просторную посуду с водой.

Циперусы можно выращивать на любых окнах. Это весьма декоративные растения. У них трехгранный стебель с оригинальным зонтиком из узких светло-зеленых листьев. Кустики бывают высотой до 70 сантиметров. В хороших условиях растение образует массу стеблей.

Циперус быстро разрастается в ширину. Поэтому растение часто размножают делением: вынимают из горшка и режут корневище острым ножом. На каждой отрезанной части хорошо оставить два-три стебля.

Часто размножают циперус и другим способом: отрезают весь зонтик листьев с небольшой частью стебля и помещают его в банку с водой или сажают в увлажненный песок (можно накрыть стеклом). Вскоре из пазушных почек разовьются молодые растеньица, их рассаживают в маленькие горшки.

Для выращивания циперуса берите смесь, состоящую из перегноя, торфяной, листовой земли. Добавьте немного речного песку. Свежая зелень циперуса круглый год украшает жилище.

Циперус можно использовать и для украшения комнатного аквариума. В аквариум опускают горшок с растением так, чтобы вода доходила до половины. Для этого его можно поместить на искусственную «скалу» или «грот», которые специально устраивают. Можно высадить циперус и на дно аквариума. Только в этом случае под слоем песка надо поместить питательную дерновую и торфяную почву.

●

Некоторые цветоводы ценят плектрантус. Его часто называют «мольным деревом». Оно не только украшает комнату, но и изгоняет бабочку моли из квартиры. Моль не переносит запаха листьев этого растения. Некоторые цветоводы считают, что и мухи не терпят запаха этого растения и улетают из комнаты, в которой растет мольное дерево.

Листья у мольного дерева зубчатые, похожи на крапивные, зеленые, слегка пушистые. Цветки мелкие, лиловатые, собраны в тонкую метелку. Высотой растение может быть до одного метра.

Для выращивания растения берите питательную почву, летом обильно поливайте. Весной у молодых растений подрезают верхушку, тогда лучше будут расти боковые побеги и кустик станет пышным.

Плектрантус легко размножается черенками, которые срезают весной или летом. Черенки быстро укореняются во влажном песке.

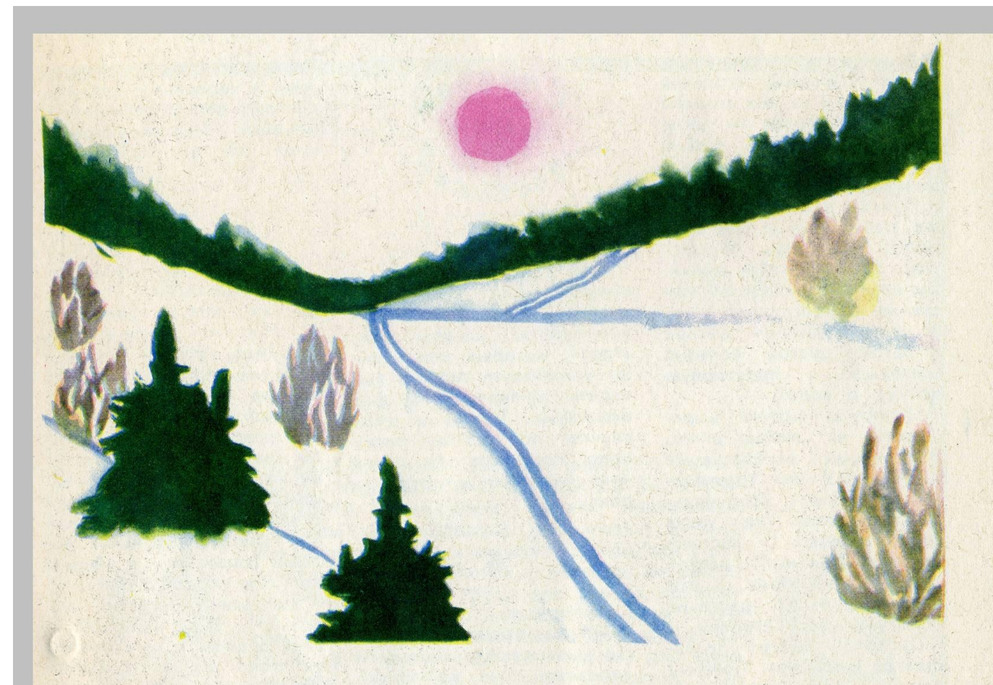
●

Встретишь на наших окнах и кордилину. Завезли ее из Новой Зеландии. У себя на родине это стройные, рослые деревья с густой копной длинных листьев на верхушке. В конце прошлого столетия эти красивые деревья были завезены в нашу страну на Черноморское побережье Кавказа. Здесь они отлично прижились. Весной они цветут крупными белыми соцветиями, а осенью приносят белые ягоды.

Заморское растение довольно быстро оценили виноградари. Оказывается, ни одно южное растение не дает столько добротного материала для подвязки виноградных лоз. Узкие, длинные листья кордилины очень крепки. Разорви их вдоль на длинные полосы — вот и готов подвязочный материал. Он отличается большой прочностью и не гниет от дождей.

Распространенным комнатным растением стала кордилина на севере. Здесь полюбили это растение, напоминающее пальму, за красивый вид и непритязательность. Круглый год оно украшено темно-зелеными листьями. Кордилину можно смело разводить и на северных окнах.

По виду с кордилиной сходна драцена. Однако это растение в отличие от кордилины не дает корневой поросли. А вот в цветочном горшке с кордилиной от одного растения вскоре разрастается целая рощица. Кордилину можно легко размножить корневыми отрысками, а также семенами.

«ЗИМНЕЕ СОЛНЦЕ»

Саша Сысоев,
Московская область

Наши обложки:

По-зимнему величествен февральский лес в последнем снежном наряде деревьев. Пройдет немного времени, и потеплевшие солнечные лучи начнут распускать его серебряные нити. А пока еще бродит меж стволов и потрескивает зимний морозец.

Все чаще и чаще стал спускаться на снег глухарь. Нет-нет да и прочертит крыльями свои «наброды». Значит, скоро — через три-четыре недели — соберутся птицы на свой первый весенний ток.

Главный редактор А. А. Виноградов

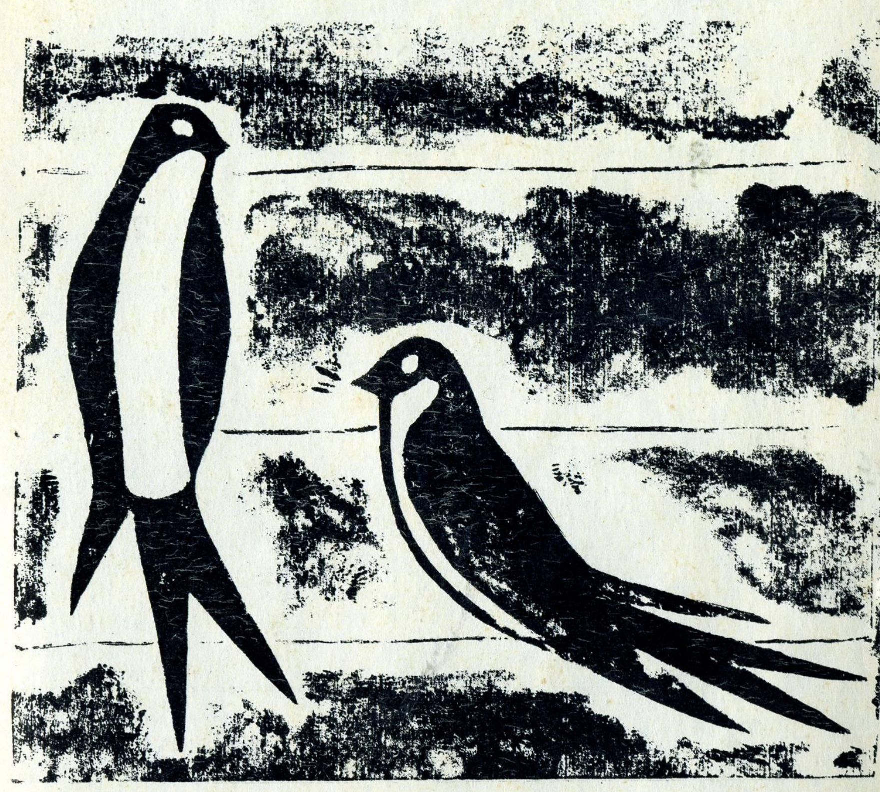
Редколлегия: Булгаков Л. Н., Корчагина А. А., Клумов С. К., Пономарев В. А., Подрезова А. А. (зам. главного редактора), Синадская В. А., Чащарин Б. А. (ответственный секретарь), Щукин С. В.

Научный консультант доктор биологических наук профессор Н. А. Гладков

Художественный редактор А. А. Тюрин
Технический редактор Н. Ф. Михайловская

Сдано в набор 7/XII 1970 г. Подп. к печ. 5/I 1971 г. А01107. Формат 70×100 1/16. Печ. л. 3,5 (усл. 4,55). Уч.-изд. л. 4,9. Тираж 1 375 000 экз. Заказ 2518. Цена 20 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва, А-30, Сущевская, 21.

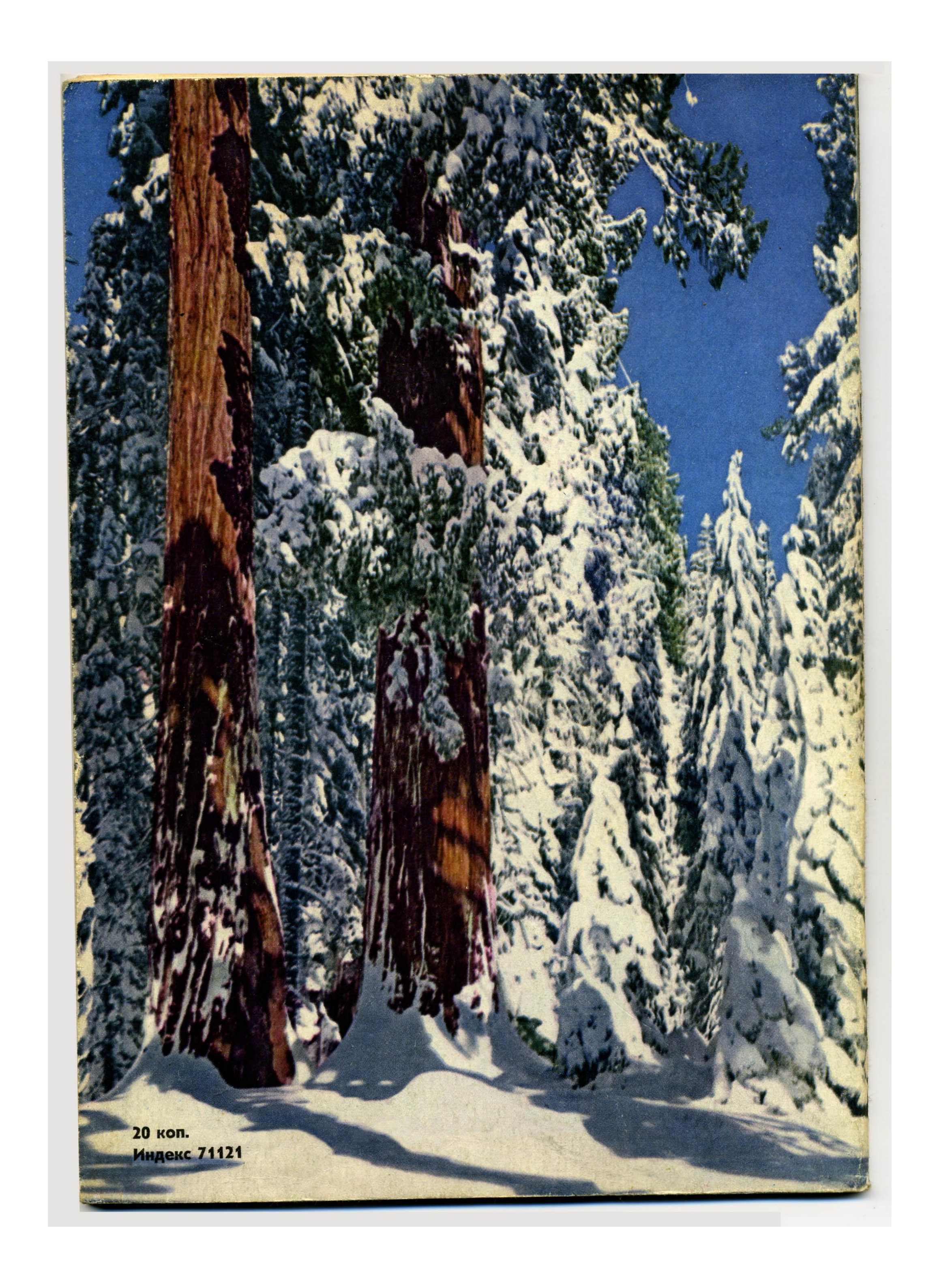
«ЛАСТОЧКИ».

Оля Сковородникова,
Московская область

«НА ЗОРЬКЕ».
Тамара Гусева,
Москва

20 коп.
Индекс 71121